

ИБИС

**Альманах
№ 31**

- **Этика**
- **Эзотерика**
- **Литература**
- **Философия**
- **Медицина**
- **Наука**

В Древнем Египте один из аспектов бога Тота изображался с головой птицы ибис, с пером и табличкой писца, и птица ибис стала считаться священным писцом богов, записывавшим мысли, слова и деяния людей и взвешивавшим их на весах. В дальнейшем она стала символом мудрости бога Тота, его проницательности и чистоты.

Треугольные крылья ибиса символизируют первую геометрическую фигуру и триипостасность тайны. Ибис также символизирует человеческий аспект бога Тота — Гермеса Трисмегиста.

*Редактор,
бывший жрец храма Амона-Ра
в Древнем Египте при Тутанхамоне,
бывший первосвященник Дании и Швеции,
бывший священнослужитель монастыря в Пиренеях,
бывший священник католического костёла в Польше,
и т.д., и т.п.*

Содержание:

№ файла

● 1-я страница обложки	01
● 2-я страница обложки	02
● Эпиграф к журналу	03
● Сначала прочтите это	04
● Нечто неожиданное	05
● Настоящая литература! Продолжение повести Анат. Рыбакова "Прах и пепел" — о временах сталинизма	06
● О Левитане — <i>К.Паустовский (окончание)</i>	07
● «Оккультный мир» (<i>выдержки</i>) — А.Синнетт	08
● Теософский словарь	09
● Тысяча смертельных случаев: ищите здесь эзотерику	10
● Сатирофантазия Татьяны ТОЛСТОЙ "Кысь": о нашем времени и ближайшем будущем?.. (<i>продолжение</i>)	11
● "Альтист Данилов" (<i>глава 28</i>)	12
● Продолжение "Альтиста Данилова" — "Шеврикука, или Любовь к привидениям" (<i>глава 15</i>)	13
● Стихотворение — <i>И.Бродский</i>	14
● <i>Философема</i>	15
● <i>Цитата номера</i>	16
● 3-я страница обложки	17
● 4-я страница обложки	18

**"Самого себя как целого
можно достичь только если
полностью понимаешь, что
обычный мир — это просто
точка зрения, независимо от
того, принадлежит ли она
обычному человеку или магу.**

*** * ***

**После целой жизни
борьбы я знаю, что по-
настоящему важным является
не просто научиться новому
описанию мира, но прибыть к
нему целым: следует прибыть
к нагуалю, не покалечив
тоналя, и превыше всего — не
покалечив своего тела."**

Дон Хуан
*(К. Кастанеда,
"Сказки о силе")*

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ:

Каждой рубрике журнала обычно соответствует её постоянная картинка, расположенная слева от названия и в той или иной степени отражающая содержание этой рубрики. Например, изображение кадуцея придано рубрике "Медицина", изображение строения атома — рубрике "Наука", и так далее. Но иногда названия рубрики вынесены в верхний колонтитул и картинку имеют стандартную — трёхлепестковое пламя над чашей. Поэтому если вместо картинки при рубрике вы увидите что-то другое, значит, стоящая на Вашем компьютере версия Виндоуза или Ворда не та, или таких рисунков в Вашей машине нет, или что-то ещё, и т.п. Мы, со своей стороны, всё проверяем — и не хуже военной приёмки...

Ниже примеры стандартных рисунков при стандартных рубриках, которые (рисунки) могут быть не видны: № 1 — золотой христианский крест; № 2 — красный автомобиль скорой помощи и кадуцей.

№ 1:

№ 2:

В папке FONTS или в файле «шрифты» прилагаем некоторые применённые нами шрифты и советуем их загрузить в папку FONTS Вашего Виндоуза.

Желаем чёткой работы.

**Портрет
главного редактора...**

Анатолий РЫБАКОВ

Прах и пепел

Повесть о временах сталинизма

От редакции: вниманию читателей предлагается НАСТОЯЩЕЕ произведение, созданное НАСТОЯЩИМ писателем и НАСТОЯЩИМ интеллигентом, и уж кстати — настоящим москвичом. Анатолий Наумович Рыбаков известен по многим написанным им прекрасным книгам, начиная от "Кортика" и кончая "Детьми Арбата". В данном произведении продолжают действовать, наряду с другими, уже ставшие взрослыми персонажи "Детей Арбата".

Москвич с Чистых Прудов

После награждения орденом положение Вадима настолько упрочилось, что ему вручили однодневный пропуск в Октябрьский зал Дома союзов на судебный процесс по делу "Антисоветского правотроцкистского блока". Такой чести удостоились лишь видные писатели, способные создать нужное общественное мнение.

Вадим не сомневался в том, что сумеет оправдать доверие. Его реакция не будет простым газетным откликом, какие сотнями печатают ныне его собратья по перу: "Сурово покарать грязную банду убийц и шпионов"... "Уничтожить!", "Добить!" и тому подобные заезженные штампы. Он исследует психологию политического преступления, протянет нить от доклада Бухарина на 1-м съезде писателей в 1934 году до нынешнего процесса. Доклад о поэзии — о поэзии! — делал шпион и убийца. Где же грань, отделяющая интеллигента от преступника? Плетнев, Левин, Казаков - врачи, призванные исцелять и спасать, — стали пособниками, подручными Смерти. Где же грань, отделяющая гуманиста от преступника? На эти вопросы он даст ясный, четкий и достойный ответ: истинная интеллигентность, истинная гуманность возможны только в

верном служении партии Ленина - Сталина. Вот в таком духе следует начать, а там уж рука сама пойдет писать.

Как и все в зале, Вадим, затаив дыхание, следил за происходящим на сцене. Господи! Бухарин и Рыков - бывшие руководители партии и государства, Ягода - всесильный глава НКВД само его имя внушало ужас, народные комиссары, секретари ЦК партии, вершившие судьбы миллионов людей, теперь, жалкие, раздавленные, сидят на скамье подсудимых, послушно встают, послушно садятся, охотно признаются в самых страшных преступлениях. Вадим не знал и не хотел знать, какой ценой добились от них признаний. Он мог об этом только догадываться, вспоминая парикмахера Сергея Алексеевича с его выбитыми зубами, со страшными кровоподтеками на лице. Но не ощущал к этим людям ни капли жалости. Разве не они создали систему, при которой все обязаны быть "Вацлавами"?! И хватит глупых угрызений совести!

Вадим сидел в задних рядах, но Октябрьский зал невелик, все видно. Бухарина и Рыкова он узнал сразу, их все знали по портретам, узнал он и профессора Плетнева Дмитрия Дмитриевича - учитель его отца, часто бывал у них дома, отец называл его великим талантом, даже гением, одним из величайших врачей мира. В прошлом году в июньской "Правде" появилась статья: "Профессор - насильник, садист". Во время осмотра какой-то пациентки профессор Плетнев

якобы укусил ее за грудь, и в результате этой травмы и тяжелого душевного потрясения женщина осталась инвалидом. Приводилось и ее письмо, которое газета назвала "потрясающим человеческим документом". На следующий же день началась газетная кампания. Профессора, видные врачи, медицинские коллективы клеймили позором шестидесятипятилетнего "насильника и садиста". Но имени своего отца Вадим в том списке не увидел, не выступил Андрей Андреевич и на экстренных заседаниях Всероссийского и Московского терапевтических обществ. Положение Вадима было щекотливое: отец не хочет выступать, его молчание может дорого обойтись и Вадиму. Но сказать об этом отцу не решился; боялся вызвать его гнев, боялся ответных упреков, даже разоблачений - ему казалось, что отец догадывается о "Вацлаве", а может быть, и знает. Неужели он по рассеянности оставил какое-то донесение на столе у себя в комнате, а отец это донесение прочитал? Ужасно, если это так. Возможно, потому он и не поздравил его с орденом и вообще перестал интересоваться его делами. Но тогда, в июне тридцать седьмого года, Вадим вполне миролюбиво спросил отца:

- Что это за история с Дмитрием Дмитриевичем?

- Ты ведь читаешь газеты, знаешь, наверное.

- Да, конечно, читаю. И отзывы его коллег читаю. Осуждают его коллеги.

- Не все! - оборвал его отец. - Далеко не все! Егоров, Сокольников, Гуревич, Каннабих, Фромгольц, Мясников отказались поддержать эту гнусность. И твой отец, между прочим, тоже отказался.

- Каждый имеет право на собственное мнение, - примирительно сказал Вадим.

Ничего другого он сказать не мог. Признался тогда Плетнев или нет, никто не знал, получил два года условно и вскоре опять был арестован, но уже по делу, которое сейчас рассматривается в Октябрьском зале и где Плетнев сознается в более тяжких преступлениях, чем попытка изнасиловать какую-то истеричку.

Допрос Плетнева Вадим слушал с особым вниманием. Что там ни говори, а есть нечто особенное в советской власти, сокрушающей самые великие авторитеты и репутации. Грозная, непобедимая сила, горе тому, кто становится на ее пути.

Что *теперь* скажет отец? Плетнев сам сознался в своих преступлениях! И каких! Теперь Плетневу грозит расстрел. И каждому, кто попытается слово сказать в его защиту, тоже грозит расстрел. Теперь уже отцу не отвертеться! Придется высказать свое отношение. Плетнев - его учитель, его друг. Ничего! Отрекаются от отцов и матерей, от братьев и сестер, от сыновей и дочерей, а уж от коллег по работе, от учителей и от учеников сам Бог велел отрекаться.

В зале не полагалось вести записи. Но мысли надо будет записать сегодня же, под свежим впечатлением от процесса. Это Вадим и сделал, вернувшись домой. Работал с упоением.

Вскоре пришел с работы отец, снял пиджак, надел домашнюю куртку, как всегда, остался при галстукe, глядел хмуро, устало. Вадим понимал, что разговор о Плетневe будет ему неприятен, но удержаться не мог. И не следует откладывать. Отец не посмеет возражать, да ему и нечего возразить. И он добьется от отца увольнения Фени и прекращения всяких контактов с Викой, отец их поддерживает через эту дамочку Нелли Владимирову. К тому же трудно отказать себе в удовольствии рассчитаться с отцом за предыдущий разговор о Плетневe. Теперь-то уж отец не посмеет говорить, как в прошлый раз: галиматья, гнусность, подлость, бред, провокация. Придется ему подыскивать другие слова, другие выражения.

Грызая куриную ножку (Вадим любил поужинать холодным цыпленком, а Феня, уходя вечером, всегда оставляла холодный ужин), Вадим сказал:

- Был я в Доме союзов на процессе, жуткое зрелище, доложу тебе.

Отец молча ел.

- Бухарин, Рыков, Ягода - прожженные политиканы, с ними все понятно. Но врачи - Левин, Казаков и, главное, Плетнев Дмитрий

Дмитриевич. Я не верил собственным ушам, он во всем признавался.

Отец, пригнувшись к тарелке, продолжал есть.

- Я смотрел только на него, может быть, думаю, подставное лицо, актер. Нет, он, Дмитрий Дмитриевич, я ведь много раз видел его здесь, у нас, в этой комнате, это он, его речь, его манера держаться.

Отец продолжал молча есть, не поднимая глаз на Вадима.

- Не понимаю, что заставило его?! Убить Куйбышева, Максима Горького...

Андрей Андреевич положил вилку и нож на тарелку, вытер салфеткой губы, откинулся на спинку стула и, глядя мимо Вадима, спокойно сказал:

- Дмитрий Дмитриевич не лечил Куйбышева.

- Но...

- Повторяю. - Андрей Андреевич повысил голос, смотрел по-прежнему мимо Вадима. - Дмитрий Дмитриевич не лечил Куйбышева. Куйбышев скоропостижно скончался от паралича сердца после напряженного рабочего дня. Было вскрытие, причина смерти - закупорка тромбом правой коронарной артерии сердца. Но что бы там ни было. Дмитрий Дмитриевич не лечил Куйбышева.

Он перевел дыхание...

- Что касается Горького, то он много лет страдал тяжелым легочным заболеванием -

хронический гнойный бронхит с бронхоэктазами, пневмосклероз, эмфизема легких и сердечно-легочная недостаточность. Он всегда кашлял и непрерывно курил, хотя врачи требовали, чтобы он прекратил курение. У него даже возникали легочные кровотечения. На Капри, в Крыму ему становилось лучше, но каждое возвращение в Москву вызывало пневмонию. То же самое произошло в июне 36-го года. Его лечили Кончаловский, Ланг и Левин. В их присутствии Дмитрий Дмитриевич несколько раз его консультировал. Лечение было абсолютно правильным, но спасти Горького было невозможно. Медицинское заключение о его смерти подписали нарком здравоохранения, все лечащие врачи, кроме них еще профессор Сперанский и профессор Давыдовский, производивший вскрытие. Ни одного из этих врачей не вызвали в суд хотя бы в качестве свидетеля. Ни одного! Не нужны были! Все свалили на Плетнева и на несчастного Левина. "Шайка безжалостных злодеев"! - Андрей Андреевич ударил вдруг кулаком по столу. - Не они безжалостные злодеи, а те, кто их судит, вот они-то и есть "безжалостные злодеи"!

- Отец! - воскликнул Вадим. - Опомнись! Что ты говоришь?! Суду было предъявлено заключение медицинской экспертизы.

- Экспертизы?! - Андрей Андреевич наконец взглянул Вадиму в лицо, но столько презрения и

ненависти было в его взгляде, что Вадиму стало не по себе. - Этих подонков ты называешь экспертами?! Бурмин – руководитель экспертизы - бездарность, холуй и трус! Десять лет занимается кисловодским нарзаном, давно забыл то немногое, что знал по терапии. Кого он подобрал в свою комиссию? Шерешевский и Российский... Они не терапевты, они эндокринологи, они не могут быть экспертами по делу Плетнева! - Он снова с ненавистью и презрением взглянул на Вадима. - Какой позор! Шерешевский - друг Плетнева, был вхож в его дом и вот предал. Предатели, предатели, кругом, всюду, на каждом шагу предатели.

Вадим поежился. В словах отца, в его ненавидящем взгляде опять был намек.

Андрей Андреевич вроде бы отдышался, справился с собой и, стараясь говорить спокойнее, продолжал:

- Единственный, кто имел профессиональное право участвовать в экспертизе, это Виноградов - терапевт, звезд с неба не хватает, но практик приличный, ученик Плетнева. И вот ученик предает учителя. Испугался!

Он опять тяжело задышал, затравленно посмотрел на Вадима, поднял палец, прерывающимся голосом сказал:

- Бог им этого не простит. И неправедным судьям. И лжесвидетелям.

Того, что наговорил отец, с лихвой хватило бы на то, чтобы его расстрелять. Если он то же самое говорит в кругу своих сотрудников и друзей, то его арестуют завтра же. В каком свете тогда предстанет он, Вадим?! Отец - осужденный враг народа, сестра - в Париже, замужем за антисоветчиком. Тут уж никакие ордена и никакие "Вацлавы" не помогут. Подумаешь, "Вацлав"! Половина подсудимых на этих процессах - "Вацлавы"!

- Отец, не волнуйся! Ты же знаешь, тебе вредно волноваться, - заговорил Вадим, - но подумай сам. Плетнев - крупнейший наш терапевт, ты даже называл его "гордостью нашей медицины". Какой же смысл правительству его уничтожать? Тем более, если, как ты говоришь, он ни в чем не виноват.

- Виноват, виноват! - закричал Андрей Андреевич, расстегивая воротник рубашки и мотая головой. - Он виноват не в том, в чем его обвиняют, а в том, что слишком много знает... Да-да! Когда убили Орджоникидзе...

Вадим привстал.

- Отец, одумайся, что ты говоришь?!

- Сиди! Я знаю, что говорю. Орджоникидзе убили, или он сам застрелился, там была огнестрельная рана. А в медицинском заключении написали: "Паралич сердца". Дмитрий Дмитриевич отказался это заключение подписать. Он мне сам рассказывал. Он - нежелательный свидетель, вот и расправляются с ним. Сначала оклеветали как насильника, а теперь представили убийцей.

- Но ведь он во всем признался.

- Пытали, вот и признался. Ведь они все признаются на ваших процессах.

Вадим сделал протестующее движение.

- Да, да! Не дергайся! Именно на ваших процессах. Выколачивают признание пытками в подвалах Лубянки. Ваша преступная власть...

- Отец, отец, перестань! - закричал Вадим.

Мотая головой и теребя спущенный галстук, будто он душил его, Андрей Андреевич повторил:

- Преступная власть... Преступная власть." Все вы преступники, разбойники... И ты... Ты тоже преступник... Твои статьи подлые, мерзкие, ты преследуешь, уничтожаешь порядочных людей... Эта преступная власть тебя купила... Я знаю...

Боже мой, он сейчас скажет насчет "Вацлава". Нет, нет, этого нельзя допустить!

Вадим закричал:

- А тебя они не купили?!

Старик ошеломленно смотрел на него.

- Кто... Что ты говоришь?!

- Ты же ходишь к ним, лечишь их, - кричал Вадим, - они тебя ласкают, людям нечего есть, а тебя продуктами заваливают. - Он оттолкнул от себя тарелку. - Откуда эти цыплята?! От них! Да, я служу, но я служу идее, а вы служите за цыплят. - Он снова толкнул тарелку. - Сидите на шее у народа и его же обливаете грязью. Горький для вас все делал, выручал вас, спасал. Кто тебе отхлопотал эту квартиру? Горький! А вы чем ему отплатили? Отравили Горького...

Андрей Андреевич, не в силах вымолвить слово, хватал ртом воздух и обеими руками махал на Вадима.

- Да, да, своими ушами слышал. Здесь, в этой комнате вы смеялись: "Именем Горького назвали театр, улицу, город, теперь и советскую власть надо переименовать в Горькую власть". Слышал, слышал, сам слышал? Меня наградили орденом, ты даже не поздравил, а когда тебе дали звание заслуженного деятеля науки, устроил банкет, праздновал, свою награду принял с удовольствием, а я, оказывается, подлец и ничтожество. Всё, хватит! Я знаю твое отношение ко мне. Ты ради Вики продолжаешь якшаться с этой дамочкой Нелли Владимировой,

а Вика замужем за иностранным шпионом, и ты это, по-видимому, одобряешь. Ты в этом году собираешься за границу, встретишься с Викой, и она вручит тебе какое-нибудь шпионское задание от своего муженька, а ты по своей глупости его с удовольствием выполнишь. И я должен жить под угрозой, что ночью придут и заберут меня и тебя как иностранных шпионов. Н-нет! Под такой угрозой я жить не желаю! Я не желаю слушать антисоветчину даже от своего отца. Не желаю! Мне это надоело! На-до-ело! Я тебе давно предлагал разменять квартиру, ты отказывался. Ну что ж, я это сделаю сам, я имею на это право, закон на моей стороне. И я тебе не советую возражать против размена! Да, да! Не советую! Не вынуждай меня говорить на суде правду о том, почему мы не можем жить вместе.

Во время этого монолога Андрей Андреевич теребил галстук, мотал головой, пытался произнести какие-то слова, но кроме "ты...", "ты..." ничего выговорить не мог и наконец замолчал, закрыв глаза. Голова его свесилась набок... Вадим вскочил, подхватил отца. Старик снова начал хватать ртом воздух, чуть приоткрыл один глаз, взгляд был бессмысленный, снова закрыл. Вадим с трудом дотащил его до дивана, уложил, положил под голову подушку, снял ботинки, укрыл пледом.

Андрей Андреевич лежал, закрыв глаза, то с трудом хватая ртом воздух, то затихал совершенно, будто не дышал.

Нужно вызвать "скорую помощь".

Но с отцом такое уже бывало, сердце неважное, однако всегда обходился без "скорой", не разрешал вызывать. Полежит, выпьет валерьянку или еще что-то, есть у него какие-то капли. И сейчас, конечно, пройдет... Приедет "скорая помощь", а отец к тому времени встанет. Неудобно, зря людей беспокоили, зря машину гоняли.

Отец лежал с закрытыми глазами. Вадим наклонился к нему, прислушался: как будто бы дышит! Взял руку, долго искал пульс, наконец вроде бы нашел. Слава Богу, выживет. Бедняга отец. Что ждет его? Не вписывается в современную жизнь, обречен на арест, на тюрьму, на муки, страдания, позор. И Вадим не может жить в ожидании катастрофы, которая его постигнет в случае ареста отца, он не перенесет, если отец вдруг назовет его "Вацлавом". Вадим подошел к телефону, снял трубку, услышал гудок, положил ее обратно на рычаг. Мысли путались в голове.

О Боже, что делать, что делать? Как жить, ежечасно, ежедневно, еженощно ожидая катастрофы? Отец сам нарывается на арест, не понимает, что в нынешних условиях нет места таким понятиям, как порядочность и совесть.

А что, если приступ не пройдет, что, если это совсем не то, что бывало раньше?!

Вадим снял трубку, набрал "03", занято.

Ну почему старики так эгоистичны? Стоят одной ногой в могиле, не боятся смерти, и не

бойтесь, но не тащите за собой в гроб других! Сына пожалей, отец! Ведь сын еще и жить не начал! Разве 28 лет - это возраст?.. Нет, он не даст себя погубить, извини, отец, не даст, не даст! О Боже, но что же делать, что делать?

Вадим посмотрел на часы - половина девятого. Феня, когда уходит вечером к Феоктистовым, возвращается обычно в десять.

Вадим прошел в ванную. В домашней аптечке, висящем на стене небольшом шкафике с инкрустированной на дверце змеей, нашел эфирно-валериановые капли, рассмотрел дату выпуска. Прошлогодние. Все равно надо выбрасывать. Он положил пузырек в карман, вернулся в столовую, подошел к дивану, наклонился к отцу.

- Папа!

Отец не ответил. Вадим вглядывался в его лицо, даже веки не вздрагивали. Он взял руку, рука была холодная, он отпустил ее – рука безжизненно упала, коснувшись пола. Может быть, отец уснул? Ну что ж, так лучше, отоспится, все пройдет. Вадим открыл форточку - будет побольше воздуха в комнате. Конечно, все обойдется. А то, что промелькнуло в мыслях, все это так, глупости, не надо об этом думать, что будет, то и будет. А он пока сходит в аптеку за лекарством. Старое лекарство не годится, вот он и идет за новым.

По дороге в аптеку Вадим нащупал в кармане пузырек с валериановыми каплями. Не вынимая его из кармана, отвинтил крышку и, зажав

пузырек в кулаке, вылил жидкость на грязный весенний снег. Валерианка старая, прошлогодняя, все равно не годится, но не надо, чтобы видели, как он ее выливает: могут подумать какую-нибудь глупость. Навстречу попадались люди, озабоченные, усталые, спешили домой с работы. Как много появилось на Арбате незнакомых лиц. Всё проходит. И все уходят. Ходила когда-то здесь его мама, давно нет мамы, ходила Вика, слава Богу, не появится больше в Москве, ходил парикмахер Сергей Алексеевич, и он пропал навсегда, и Саша Панкратов сгинул в Сибири, и Юрку Шарока не видно - перевели в другой город, а может быть, и расстреляли - с их братом тоже не церемонятся. Лену Будягину выслали, Нина Иванова тоже исчезла, всех разметало, никого нет. И отец уйдет. И он, Вадим, уйдет в свое время. Всё условно, всё быстротечно, годом раньше, годом позже, в истории жизнь человеческая всего лишь миг. На углу Арбата он незаметно опустил пустой пузырек в урну.

В аптеке Вадим терпеливо выстоял в очереди. И кассир, и продавец были ему знакомы. "Что-нибудь для сердца, - попросил Вадим, - отец на сердце жалуется". Дали ему и валерьянки, и капли Вотчала, Вадим поблагодарил и вдруг подумал: хорошо, что зашел сюда, хорошо, что его видели; почему так подумал, сам не знал, но подумал. Сейчас он вернется домой. Будем надеяться, отцу стало легче, он покажет купленные в аптеке лекарства. Смотрел в

ванной, не нашел, побежал в аптеку, на, принимай и, главное, не волнуйся, видишь, чем это кончается.

Андрей Андреевич по-прежнему лежал в той же позе. Вадим окликнул его, отец не ответил. Вадим наклонился к нему, но дыхания не услышал, взял руку, отпустил, рука так же безжизненно упала на пол.

Вадим набрал "03", потребовал немедленно прислать "скорую помощь" к профессору Марасевичу. Что с ним? Сильный сердечный приступ. Адрес? Он назвал адрес.

Минут через двадцать в квартиру, сопровождаемый двумя санитарами с носилками, вошел молодой врач в белом халате, накинутом на пальто. У санитаров халаты тоже были надеты на пальто.

Почти тут же явилась Феня, заметалась, запричитала, Вадим прикрикнул на нее.

Врач присел на диван возле Андрея Андреевича, щупал пульс, слушал сердце, открывал веки. Потом встал.

- Мертвых не возим.

(продолжение предполагается)

Константин Паустовский

Исаак Левитан

От редакции

Мы заканчиваем публиковать небольшую повесть прекраснейшего писателя, ныне покойного, Константина Паустовского. Новое поколение молодёжи, вырастающее в бескультурье, его почти не знает, и данная публикация имела целью хоть как-то заполнить эту ужасающую брешь.

Повесть Паустовского была посвящена трагедийной жизни одного из лучших живописцев России — Исаака Ильича Левитана. В Государственной Третьяковской галерее картины его выставлены постоянно.

Вторая поездка на Волгу была удачнее первой. Левитан поехал не один, а с художницей Кувшинниковой. Эта наивная, трогательно любившая Левитана женщина была описана

Чеховым в рассказе "Попрыгунья". Левитан жестоко обиделся на Чехова за этот рассказ. Дружба была сорвана, а примирение шло туго и мучительно. До конца жизни Левитан не мог простить Чехову этого рассказа.

Левитан уехал с Кувшинниковой в Рязань, а оттуда спустился на пароходе вниз по Оке до слободы Чулково. В слободе он решил остановиться.

Солнце садилось в полях за глинистым косогором. Мальчишки гоняли красных от заката голубей. На луговом берегу горели костры, в болотах угрюмо гудели выпяи.

В Чулкове было соединено все, чем славилась Ока, — вся прелесть этой реки, "поемистой, дубравной, в раздолье муромских песков текущей царственно, блистательно и плавно, в виду почтенных берегов".

Ничто лучше этих стихов Языкова не передает очарования ленивой Оки.

На пристани в Чулкове к Левитану подошел низкий старик с вытекшим глазом. Он нетерпеливо потянул Левитана за рукав чесучового пиджака и долго мял шершавыми пальцами материю.

— Тебе чего, дед? — спросил Левитан.

— Суконце, — сказал дед и икнул. — Суконцем охота полюбоваться. Ишь скрипит, как бабий волос. А это кто, прости господи, жена, что ли? — Дед показал на Кувшинникову. Глаза его стали злыми.

— Жена, — ответил Левитан.

— Та-ак, — зловеще сказал дед и отошел. — Леший вас разберет, что к чему, зачем по свету шляетесь.

Встреча не предвещала ничего хорошего. Когда на следующее утро Левитан с Кувшинниковой сели на косогоре и раскрыли ящики с красками, в деревне началось смятение. Бабы зашмыгали из избы в избу. Мужики, хмурые, с соломой в волосах, распояской, медленно собирались на косогор, садились поодаль, молча смотрели на художников. Мальчишки сопели за спиной, толкали друг друга и переругивались.

Беззубая баба подошла сбоку, долго смотрела на Левитана и вдруг ахнула:

— Господи Сусе Христе, что ж это ты делаешь, охальник?

Мужики зашумели, Левитан сидел бледный, но сдержался и решил отшутиться.

— Не гляди, старая, — сказал он бабе, — глаза лопнут.

— У-у-у, бесстыжий, — крикнула баба, высморкалась в подол и пошла к мужикам. Там уже трясся, опираясь на посох, слезливый монашек, неведомо откуда забредший в Чулково и прижившийся при тамошней церкви.

— Лихие люди! — выкрикивал он вполголоса. — Чего делают — непонятно. Планы с божьих лугов снимают. Не миновать пожару, мужички, не миновать бяды.

— Сход! — крикнул старик с вытекшим глазом.
— Нету у нас заведения картинки с бабами рисовать! Сход!

Пришлось собрать краски и уйти.

В тот же день Левитан с Кувшинниковой уехали из слободы. Когда они шли к пристани, около церкви гудел бестолковый сход и были слышны визгливые выкрики монашка:

— Лихие люди. Некрещеные. Баба с открытой головой ходит.

Кувшинникова не носила ни шляпы, ни платка.

Левитан спустился по Оке до Нижнего и там пересел на пароход до Рыбинска. Все дни он с Кувшинниковой просиживал на палубе и смотрел на берега — искал места для этюдов.

Но хороших мест не было, Левитан все чаще хмурился и жаловался на усталость. Берега наплывали медленно, однообразно, не радуя глаз ни живописными селами, ни задумчивыми и плавными поворотами.

Наконец в Плесе Левитан увидел с палубы старинную маленькую церковь, рубленную из сосновых кряжей. Она чернела на зеленом небе, и первая звезда горела над ней, переливаясь и блистая.

В этой церкви, в тишине вечера, в певучих голосах баб, продававших на пристани молоко, Левитану почудилось столько покоя, что он тут же решил остаться в Плесе.

С этого времени начался светлый промежуток в его жизни.

Маленький городок был беззвучен и безлюден. Тишину нарушали только колокольный звон и мычание стада, а по ночам — колотушки сторожей. По уличным косогорам и оврагам цвел репейник и росла лебеда. В домах за кисейными занавесками сушился на подоконниках липовый цвет.

Дни стояли солнечные, устойчивые, сухие. Русское лето, чем ближе к осени, тем больше бывает окрашено в спелые цвета. Уже в августе розовеет листва яблоневых садов, сединой блестят поля, и вечерами над Волгой стоят облака, покрытые жарким румянцем.

Хандра прошла. Было стыдно даже вспоминать о ней.

Каждый день приносил трогательные неожиданности — то подслеповатая старуха, приняв Левитана за нищего, положит ему на ящик с красками стертый пятак, то дети, подталкивая друг друга в спину, попросят, чтобы их нарисовать, потом прыснут от смеха и разбегутся, то придет тайком молодая соседка-староверка и будет певуче жаловаться на свою тяжелую долю. Ее Левитан прозвал Катериной из "Грозы" Островского. Он решил вместе с Кувшинниковой помочь Катерине бежать из Плеса, от постылой семьи. Бегство обсуждалось в роще за городом. Кувшинникова шепталась с Катериной, а Левитан лежал на краю рощи и предупреждал женщин об опасности тихим свистом. Катерине удалось бежать.

До поездки в Плес Левитан любил только русский пейзаж, но народ, населявший эту большую страну, был ему непонятен. Кого он знал? Грубого училищного сторожа "Нечистую силу", трактирных половых, наглых коридорных из меблированных комнат, диких чулковских мужиков. Он часто видел злобу, грязь, тупую покорность, презрение к себе, к еврею.

До жизни в Плесе он не верил в ласковость народа, в его разум, в способность много понимать. После Плеса Левитан ощутил свою близость не только к пейзажу России, но и к ее народу — талантливому, обездоленному и как бы притихшему не то перед новой бедой, не то перед великим освобождением.

В эту вторую поездку на Волгу Левитан написал много полотен. Об этих вещах Чехов сказал ему:

"На твоих картинах уже есть улыбка".

Свет и блеск впервые появились у Левитана в его "волжских" работах — в "Золотом Плесе", "Свежем ветре", "Вечернем звоне".

Почти у каждого из нас остались в памяти еще с детства лесные поляны, засыпанные листвой, пышные и печальные уголки родины, что сияют под нежарким солнцем в синеве, в тишине безветренных вод, в криках кочующих птиц.

В зрелом возрасте эти воспоминания возникают с поразительной силой по самому ничтожному поводу, — хотя бы от мимолетного пейзажа, мелькнувшего за окнами вагона, — и вызывают непонятное нам самим чувство

волнения и счастья, желание бросить все — города, заботы, привычный круг людей, и уйти в эту глушь, на берега неизвестных озер, на лесные дороги, где каждый звук слышен так ясно и долго, как на горных вершинах, — будь то гудок паровоза или свист птицы, перепархивающей в кустах рябины.

Такое чувство давно виденных милых мест остается от "волжских" и "осенних" картин Левитана.

Жизнь Левитана была бедна событиями. Он мало путешествовал. Он любил только среднюю Россию. Поездки в другие места он считал напрасной тратой времени. Такой показалась ему и поездка за границу.

Он был в Финляндии, Франции, Швейцарии и Италии.

Граниты Финляндии, ее черная речная вода, студенистое небо и мрачное море нагоняли тоску. "Вновь я захандрил без меры и границ,— писал Левитан Чехову из Финляндии. — Здесь нет природы".

В Швейцарии его поразили Альпы, но вид этих гор ничем не отличался для Левитана от видов картонных макетов, размалеванных крикливыми красками.

В Италии ему понравилась только Венеция, где воздух полон серебристых оттенков, рожденных тусклыми лагунами.

В Париже Левитан увидел картины Монэ, но не запомнил их. Только перед смертью он оценил живопись импрессионистов, понял, что он

отчасти был их русским предшественником, — и впервые с признанием упомянул их имена.

Последние годы жизни Левитан проводил много времени около Вышнего Волочка на берегах озера Удомли. Там, в семье помещиков Панафидиных, он опять попал в путаницу человеческих отношений, стрелялся, но его спасли...

Чем ближе к старости, тем чаще мысль Левитана останавливалась на осени.

Правда, Левитан написал несколько превосходных весенних вещей, но это почти всегда была весна, похожая на осень.

В "Большой воде" затопленная разливом роща обнажена, как поздней осенью, и даже не покрылась зеленоватым дымом первой листвы. В "Ранней весне" черная глубокая река мертво стоит среди оврагов, еще покрытых рыхлым снегом, и только в картине "Март" передана настоящая весенняя яркость неба над тающими сугробами, желтый солнечный свет и стеклянный блеск талой воды, каплюющей с крыльца дощатого дома.

Самые мягкие и трогательные стихи, книги и картины написаны русскими поэтами, писателями и художниками об осени.

Левитан, так же как Пушкин и Тютчев и многие другие, ждал осени, как самого дорогого и мимолетного времени года.

Осень снимала с лесов, с полей, со всей природы густые цвета, смывала дождями зелень. Рощи делались сквозными. Темные

краски лета сменялись робким золотом, пурпуром и серебром. Изменялся не только цвет земли, но и самый воздух. Он был чище, холоднее, и дали были гораздо глубже, чем летом. Так у великих мастеров литературы и живописи юношеская пышность красок и нарядность языка сменяется в зрелом возрасте строгостью и благородством.

Осень на картинах Левитана очень разнообразна. Невозможно перечислить все осенние дни, нанесенные им на полотно. Левитан оставил около ста "осенних" картин, не считая этюдов.

На них были изображены знакомые с детства вещи: стога сена, почернелые от сырости; маленькие реки, кружащие в медленных водоворотах палую листву; одинокие золотые березы, еще не обитые ветром; небо, похожее на тонкий лед; косматые дожди над лесными порубками. Но во всех этих пейзажах, что бы они ни изображали, лучше всего передана печаль прощальных дней, сыплющихся листьев, гниющих трав, тихого гудения пчел перед холодами и предзимнего солнца, едва заметно прогревающего землю.

Исподволь, из года в год, у Левитана развивалась тяжелая сердечная болезнь, но ни он, ни близкие ему люди не знали о ней, пока она не дала первой бурной вспышки.

Левитан не лечился. Он боялся идти к врачам, боялся услышать смертный приговор. Врачи, конечно, запретили бы Левитану общаться с

природой, а это для него было равносильно смерти.

Левитан тосковал еще больше, чем в молодые годы. Все чаще он уходил в леса, — жил он в лето перед смертью около Звенигорода, — и там его находили плачущим и растерянным. Он знал, что ничто — ни врачи, ни спокойная жизнь, ни исступленно любимая им природа — не могли отдалить приближавшийся конец.

Зимой 1899 года врачи послали Левитана в Ялту.

В то время в Ялте жил Чехов. Старые друзья встретились постаревшими, отчужденными. Левитан ходил, тяжело опираясь на палку, задыхался, всем говорил о близкой смерти. Он боялся ее и не скрывал этого. Сердце болело почти непрерывно.

Чехов тосковал по Москве, по северу. Несмотря на то, что море, по его собственным словам, было "большое", оно суживало мир. Кроме моря и зимней тихой Ялты, казалось, ничего не оставалось в жизни. Где-то очень далеко за Харьковом, за Курском и Орлом лежал снег, огни нищих деревень мигали сослепу в седую метель; она казалась милой и близкой сердцу, гораздо ближе беклиновских кипарисов и сладкого приморского воздуха. От этого воздуха часто болела голова. Милым казалось все: и леса, и речушки — всякие Пехорки и Вертушинки, и стога сена в пустынных вечерних полях, одинокие, освещенные мутной луной, как будто навсегда позабытые человеком.

Больной Левитан попросил у Чехова кусок картона и за полчаса набросал на нем масляными красками вечернее поле со стогами сена. Этот этюд Чехов вставил в камин около письменного стола и часто смотрел на него во время работы.

Зима в Ялте была сухая, солнечная, с моря дули тепловатые ветры. Левитан вспомнил свою первую поездку в Крым, и ему захотелось в горы. Его преследовало воспоминание об этой поездке, когда с вершины Ай-Петри он увидел у своих ног пустынное облачное небо. Над головой висело солнце, — здесь оно казалось гораздо ближе к земле, и желтоватый его свет бросал точные тени. Облачное небо дымилось внизу в пропастях и медленно подползало к ногам Левитана, закрывая сосновые леса.

Небо двигалось снизу, и это пугало Левитана так же, как пугала никогда не слыханная горная тишина. Изредка ее нарушал только шорох осыпи. Шифер сползал с откоса и раскачивал сухую колючую траву.

Левитану хотелось в горы, он просил отвезти его на Ай-Петри, но ему в этом отказали — разреженный горный воздух мог оказаться для него смертельным.

Ялта не помогла. Левитан вернулся в Москву. Он почти не выходил из своего дома в Трехсвятительском переулке.

Двадцать второго июля 1900 года он умер. Были поздние сумерки, когда первая звезда появляется над Москвой на страшной высоте, и

листва деревьев погружена в желтую пыль и в отсветы гаснущего солнца.

Лето было очень поздним. В июле еще доцветала сирень. Ее тяжелые заросли заполняли весь палисадник около дома. Запах листвы, сирени и масляных красок стоял в мастерской, где умирал Левитан, — запах, преследовавший всю жизнь художника, передавшего на полотне печаль русской природы, — той природы, что так же, как и человек, казалось, ждала иных, радостных дней.

Эти дни пришли очень скоро после смерти Левитана, и его ученики смогли увидеть то, чего не видел учитель, — новую страну, чей пейзаж стал иным потому, что стал иным человек: наше щедрое солнце, величие наших просторов, чистоту неба и блеск незнакомых Левитану праздничных красок.

Левитан не видел этого потому, что пейзаж радостен только тогда, когда свободен и весел человек.

Левитану хотелось смеяться, но он не мог перенести на свои холсты даже слабую улыбку.

Он был слишком честен, чтобы не видеть народных страданий. Он стал певцом громадной нищей страны, певцом ее природы. Он смотрел на эту природу глазами измученного народа, — в этом его художественная сила и в этом отчасти лежит разгадка его обаяния.

ОККУЛЬТНЫЙ МИР

А. Синнет

(выдержки)

II

Кто же эти адепты, управляющие колоссальными силами, о которых я веду речь? Есть основания полагать, что такие адепты жили во все исторические эпохи, а на сегодняшний день подобные люди есть в Индии или прилегающих к ней странах. То, что знания, унаследованные этими людьми, идентичны знаниям древних посвященных оккультизма, неоспоримо проявилось в ходе изучения взглядов, которых придерживаются адепты, и способностей, которые они в себе развивают. Этот вывод был сделан на основе множества литературных источников; в данный момент достаточно просто сформулировать

его, а на способы связаться с посвященными будет указано позднее. Пока же рассмотрим то положение, в котором сейчас находятся адепты.

Они объединены в некое Братство, или Тайное Общество, имеющее свои отделения по всему Востоку, но главная его резиденция, я полагаю, находится сейчас в Тибете. Однако в современной Индии тоже не перевелись адепты, и именно из этой страны Общество вербует многих новых членов. Дело в том, что это великое Братство представляет собой одновременно и самую недоступную, и самую открытую организацию мира; здесь рады новобранцам любой национальности и расы, из какой бы страны они ни происходили, однако при условии, что они обладают необходимыми характеристиками. Как сказал мне один человек, который и сам входит в число адептов, врата всегда открыты для того, кто постучится в них, но таков уж путь, ведущий к этим вратам, что только самые решительные и непреклонные странники имеют шанс его одолеть. Разумеется, я могу описать опасности этого пути лишь в самых общих выражениях; однако читателю необязательно изучать секреты посвящения, чтобы понять, какой характер носит обучение, через которое

должен пройти неофит, дабы удостоиться звания знатока оккультизма. Меня многократно заверяли, что адептами не рождаются, а становятся, и процесс этого становления в основном находится в руках самого человека.

В чем бы ни состояли первые испытания, преграждающие путь к низшим ступеням оккультизма, кандидата на посвящение, насколько я знаю, никогда не допускают к ним ранее чем через семь лет после того, как он был принят в качестве послушника. При этом нет никакой гарантии, что семилетний срок не будет продлен для него *ad libitum**. У кандидата даже нет уверенности в том, что его вообще когда-нибудь допустят к посвящению того или иного рода. Одной этой мучительной неопределенности оказалось бы вполне достаточно, чтобы отпугнуть большинство европейцев от попыток проникнуть в сферы оккультизма, как бы сильно он ни привлекал их в интеллектуальном плане. Но подобная неопределенность - отнюдь не каприз деспотичного общества, которое, так сказать, кокетничает со своими полными рвения поклонниками. Испытания, через которые должен пройти неофит, - это вовсе не причудливые розыгрыши и не имитация каких-то жутких опасностей. Это

также не искусственные преграды, воздвигнутые мастерами оккультизма, чтобы испытать хладнокровие учеников, подобно тому, как учитель верховой езды устанавливает в своей школе барьеры для прыжков. Природа науки, которую собирается исследовать соискатель, такова, что ее откровения потрясают разум и подвергают суровому испытанию самую непреклонную отвагу. В

интересах самого кандидата следует предварительно испытать его характер, стойкость в достижении цели, а может быть, также и его физические и психические качества, наблюдая за ними с безмерной осторожностью и терпением; лишь потом ему можно позволить сделать последний решительный шаг и нырнуть в море необыкновенных переживаний, которое он либо переплывет своими собственными силами, либо погибнет.

Вполне очевидно, что я не могу располагать точными знаниями о том, какие испытания ожидают кандидата на протяжении периода его развития; догадки же, основанные на отрывочных сведениях, собранных то здесь, то там, не заслуживают упоминания. Однако столь же очевидно, что особенности жизни, которую ведет обычный кандидат на звание неофита, ни в коей мере не

являются секретом. Помимо всего прочего, предельное развитие адепта требует от него соблюдения абсолютной физической чистоты, и кандидат обязан с самого начала представить доказательства того, что он готов соблюдать это требование. На протяжении всего испытательного срока он должен, так сказать, соблюдать полное целомудрие, воздержанность и безразличие к любым физическим удовольствиям. Такой образ жизни не предполагает ни какой-то фантастической дисциплины, ни навязчивого аскетизма, ни бегства от мира. Ничто не мешает джентльмену из лондонского светского общества быть кандидатом в оккультисты и проходить подготовку по полной программе, причем окружающие даже не будут ничего об этом знать. С точки зрения истинного оккультизма, возвышенная преданность подлинного адепта - отнюдь не плод отталкивающего аскетизма заурядного индийского факира, этого йога лесных дебрей, чья грязь возрастает вместе со святостью, этого фанатика, вонзающего себе в тело железные крючья или держащего руку поднятой вверх, пока она не отсохнет. Отрывочное знакомство с некоторыми чисто внешними фактами, индийского оккультизма часто приводит

к недоразумениям на этот счет.

Йога-видья - вот индийское название оккультной науки. Исследуя практику заблудших энтузиастов, культивирующих некоторые низшие отрасли этой науки при помощи одних лишь физических упражнений, легко усвоить множество вещей, которые и знать-то совсем не стоит. Строго говоря, такое физическое совершенствование называется хатха-йогой, а более возвышенная разновидность, которая достигается дисциплиною ума и ведет к подлинным высотам оккультизма, носит название раджа-йоги. Нет и не было ни одного человека, заслуживающего в глазах подлинного оккультиста названия адепта, который достиг бы своих возможностей при помощи трудоемких и ребяческих упражнений хатха-йоги. Я не хочу сказать, что эти низшие упражнения совершенно бесполезны. Тот, кто ими занимается, действительно приобретает некоторые паранормальные силы и способности. Описанию этих упражнений посвящено множество трактатов, и многие жители Индии могут рассказать любопытные случаи из опыта своего общения со знатоками этого необыкновенного искусства. У меня нет никакого желания заполнять страницы

этой книги сообщениями о чудесах, в которых я не в состоянии отделить правду от вымысла. Однако главная мысль, на которой я здесь настаиваю, заключается в следующем: ни одна история, кем-либо прочитанная или услышанная, в которой индийская йога выглядит низкой, ограниченной или вульгарной, не может иметь ни малейшего отношения к утонченной, неземной йоге, известной под названием раджа-йоги, ведущей к величественным высотам адептства.

(продолжение предполагается)

ТЕОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ

УКАЗАТЕЛЬ ТЕОСОФСКИХ ПОНЯТИЙ К "ТАЙНОЙ ДОКТРИНЕ"

Составлен Дж. Мидом

*Перевод с английского А.П. Хейдока**

Перевод осуществлен по изданиям:

1. H.P. Blavatsky. The Secret Doctrine. Ind. to vols. 1 and 2. -- London ets., Theosophical publ., 1895.
2. H.P. Blavatsky. The Theosophical glossary. -- London, 1892.

От редактора. Этот огромный словарь мы продолжаем публиковать в том виде, в каком его получили, то есть со всеми имеющимися ошибками (исправить их — гигантская работа...) и невозможностью удовлетворительно оформить текст. Мы также намеренно печатаем его мелким шрифтом, чтобы читатель не упрекнул нас, что журнал мы заполняем не статьями современных авторов по практически нужным вопросам (как обещали), а неинтересным для многих материалом. Кроме того, так как исходный язык английский, то в публикуемом переводе (а) строгое алфавитное расположение терминов по-русски невозможно, и (б) вклиниваются термины на совсем другие буквы. Поэтому рекомендуем читать всё подряд. Желаем успеха.

* Продолжение. Начало в № 5.

ШЕО (Егип.) Бог, который вместе с Тефнантом и Себом обитает в Анру, области, называемой "страною возрождения богов".

ШЕСУ ГОР (Егип.) Букв., слуги Гора; ранние люди, поселившиеся в Египте, которые были арийцами.

ШКОЛЫ ПРОРОКОВ Школы, основанные Самуилом для обучения Набиимов (пророков). Их метод был основан на тех же принципах, что и метод подготовки Чела, или кандидат на посвящение в оккультные науки, то есть на развитие сверхъестественных способностей или ясновидения, ведущего к Провидчеству. Много таких школ было в древности в Палестине и Малой Азии. То, что евреи поклонялись Нэбу, халдейскому богу сокровенного знания, является несомненным фактом, так как они приняли его имя как эквивалент Мудрости.

СЕАНС Слово, которое у теософов и спиритуалистов стало означать прибывание с медиумом в ожидании феноменов, материализации "духов", и других манифестаций.

СЕБ (Егип.) Сатурн Египтян; отец Озириса и Изиды. Эзотерически - единственный принцип перед творением, по смыслу ближе к

Парабрахму, чем к Бrame. Он упоминается уже начиная со второй Династии, и статуи Себа можно видеть в музеях, выставленные вместе с гусем или черным лебедем, который снес яйцо мира на его голове Ноут или Неит, "Великая Матерь" и все же "Непорочная Дева" - жена Себа; она самая древняя из упоминающихся богинь, и встречается на памятниках первой династии, которую Мариетт Бей относит почти к 7 000 г. до н.э.

ТАЙНАЯ ДОКТРИНА Общее название, данное эзотерическим учениям древности.

СЕДЕКЛА (Евр.) Эндорская колдунья.

ПРОВИДЕЦ Ясновидящий; тот, кто способен зреть видимые и невидимые - для других - вещи на любом растении и в любое время своим духовным или внутренним зрением или восприятием.

СЕИР АНПИН или Зауир Анпин (Евр.) В Каббале - "Сын сокрытого Отца"; тот, кто объединяет в себе всех Сефиротов, Адам Кадмон, или первый проявленный "Небесный Человек", Логос.

СЕКХЕМ (Егип.) То же, что Сектен.

СЕКХЕТ (Егип.) См. "Пашт."

СЕКТЕН (Егип.) Дэвачан; место посмертного вознаграждения, состояния блаженства, но не местность.

СЕНА (Санскр.) Женский аспект, или Шакти, Карттикеи; называется также Каумара.

ЧУВСТВА Десять органов человека. В экзотерическом Пантеоне и аллегориях Востока, это суть эманации десяти меньших богов, земных Праджапати или "прародителей". Чтобы отличить их от пяти физических и семи сверхфизических, их называют "элементарными чувствами". В Оккультизме они тесно связаны с различными силами природы, и с нашими внутренними организмами, в физиологии называемыми клетками.

СЕНЗАР Мистическое название тайного жреческого языка или "языка Мистерий" посвященных Адептов, во всем мире.

СЕФЕР СЕФИРОТ (Евр.) Каббалистический трактат, касающийся постепенной эволюции Божества от негативного покоя к активному эманированию и творению.

СЕФЕР ИЕЦИРА (Евр.) "Книга Формирования." Очень древний каббалистический труд, приписываемый патриарху Аврааму. В нем сотворение вселенной представлено по аналогии с двадцатью двумя буквами еврейского алфавита, распределенными на триаду, гептаду и додекаду, соответственно трем материнским буквам А, М, S, семи планетам и двенадцати знакам Зодиака. Он написан на ново-еврейском языке Мишна.

СЕФИРА (Евр.) Эманация Божества; родитель и синтез десяти Сефиротов, когда стоит во главе Древа Сефиротов; в Каббале Сефира, или "Священный Старец", есть божественный Разум (то же, что София или Метис), первая эманация из "Бесконечного" или Эйн-Софа.

СЕФИРОТЫ (Евр.) Десять эманаций Божества; высшая сотворена концентрацией Эйн Соф Аура, или Беспредельного Света, и каждая Сефира производит эманацией другую Сефиру. Имена Десяти Сефиротов следующие - 1. Кэтер - Венец; 2. Хокма - Мудрость; 3. Бина - Понимание; 4. Хезет - Милосердие; 5. Гебура - Власть; 6. Тиферет - Красота; 7. Нецах - Победа; 8. Ход - Великолепие; 9. Иесод - Основание; и 10. Малкут - Царство.

Концепция Божества, воплощенного в Десяти Сефиротах, очень возвышенная, и каждая Сефира представляет для каббалиста группу возвышенных идей, титулов и качеств, которые лишь бледно отражены в названии. Каждая Сефира называется активной или пассивной, хотя это может привести к заблуждению; пассивная не означает возвращение к негативному существованию, и эти два слова выражают только отношение между отдельными Сефиротами, но не какое-либо абсолютное качество.

СЕПТЕРИУМ (Лат.) Большой религиозный праздник древности, проводившийся каждые десять лет в Дельфах, в честь Гелиоса, Солнца или Аполлона, в память о его победе над тьмой, или Пифоном; Аполлон-Пифон является тем же, что Озирис-Тифон в Египте.

СЕРАФИМЫ (Евр.) Небесные существа, описанные Исайей (vi, 2) как имеющие человеческую форму с добавлением трех пар крыльев. Их еврейское название - SHRPIM, и за исключением вышеупомянутого случая переводится как змии, и связано с глагольным корнем SHRP, разжигатель. Слово это употребляется для обозначения змиев в "Числах" и "Второзаконии". Моисей, по преданию, воздвиг в пустыне SHRP или Сераф из Меди как символ. Это светлый змий используется также и как символ Света.

Сравнение с мифом об Эскулапе, врачующем божестве, который, по преданию, был привезен в Рим из Эпидаура как змий, и которого в статуях изображают с жезлом, вокруг которого обвилась змия. (См. Овид., "Метам.", кн. XV.) Серафимы "Ветхого Завета", видимо связаны с Херувимами (см.). В Каббале Серафимы - это группа ангельских сил, связанных с Сефирой Гебурой - Суровостью.

СЕРАПИС (Егип.) Великий солнечный бог, который в народном поклонении заменял Озириса, и в честь которого пелись семь гласных. В его изображениях он часто представлен как змий, "Дракон Мудрости". Высочайший бог Египта в течение первых столетий Христианства.

ШЕША (Санскр.) Ананта, великий Змий Вечности, ложе Вишну; символ бесконечного Времени в Пространстве. В экзотерических верованиях Шеша представлен в виде тысяче-головой и семи-головой кобры; первая является царем низшего мира, называемого Патала, вторая - носителем или опорой Вишну в Океане Пространства.

СЕТ или Seth (Егип.) То же, что Сын Ноя и Тифон - темная сторона Озириса. То же, что Тот и Сатана, противник, но не дьявол, представляемый христианами.

СЕВЕКХ (Егип.) Бог времени; Кронос; то же, что Сефекх. Некоторые востоковеды переводят это как "Седьмой".

ШЕБЕРОН (Тибет.) Монгольский Шаберон или Хубилган (или Хубилханы), согласно ламаистам, являются реинкарнациями Будды; так сказать, великими Святыми и Аватарами.

ШАДДАЙ, Эл (Евр.) Имя еврейского Божества, переводимое как Бог Всемогуший, и встречающееся в Книгах "Бытия", "Исхода", "Чисел", "Руфи" и "Иова". Его греческий эквивалент - Куриос Пантократор; но по еврейскому словопроизводству оно означает скорее "излучатель", ибо shad означает грудь, а shdi означает также "кормящая мать".

ШАМАНЫ Каста татарских или монгольских жрецов - магов или, как говорят некоторые, жрецов-чародеев. Они не являются буддистами, но сектой древней религии Тибета Б'он. Они живут преимущественно в Сибири и в граничащих с ней странах. Шаманами могут быть как мужчины, так и женщины. Все они маги или, вернее, сенситивы или медиумы, развитые искусственно. В наше время те, кто действуют в качестве жрецов среди татар, обычно очень невежественны и намного ниже факиров по знаниям и образованию.

ШАНА (Евр.) Лунный Год.

ШАНГНА (Санскр.) Таинственный эпитет, данный платью или "одеянию" в метафизическом смысле. Облечься в "одеяние Шангна" означает приобрести Тайную Мудрость, и Посвящение. (См. "Голос Безмолвия", с. 81 и 82, Словарь.)

ШАСТРА или S'astra (Санскр.) Трактат или книга, любой труд божественного или признанного авторитета, включая книги закона.

Шастри в Индии по сей день означает человека, сведущего в божественном и человеческом законе.

ШЕДИМ (Евр.) См. "Сиддим".

ШЕКИНА (Евр.) Титул, относимый каббалистами к Малкут, десятой Сефире; но евреям - к облаку славы, которое покоилось на Троне Милосердия в Святая Святых. Все же, как преподается всеми раввинами Малой Азии, природа ее более возвышенная, - Шекина есть покров Эйн-Софа, Бесконечного и Абсолютного; следовательно, нечто вроде каббалистической Мулапракрити.

ОБОЛОЧКИ Каббалистическое название призраков мертвых, "духов" спиритуалистов, фигурирующих в физических феноменах; названы так потому, что они суть просто призрачные формы, опорожненные от своих высших принципов.

ШЕМАЛ (Халд.) Самаэль, дух земли, ее главенствующий правитель и гений.

ШЕМХАМФОРАШ (Евр.) Отдельное имя. Чудотворное имя, извлеченное из субстанции божества и являющее его самосушную сущность. Евреи обвинили Иисуса в том, что он похитил это имя из Храма с помощью магических искусств, и применял его при совершении своих чудес.

ШЕОЛ (Евр.) Ад в еврейском Пантеоне; область неподвижности и бездействия, в отличие от Геенны (см.).

ШЯНЬ-СЯНЬ (Кит.) Состояние блаженства и свободы души, во время которого человек может путешествовать в духе, куда пожелает.

ШИИТЫ (Перс.) Секта мусульман, которые ставят пророка Али выше Мухаммеда, отвергая Сунну или традицию.

ШИЛА (Пали.) Вторая добродетель из десяти Парамит совершенства. Совершенная гармония в словах и действиях.

СИНТО (Яп.) Древняя религия Японии до Буддизма, основанная на поклонении духам и предкам.

ШОЕЛ-ОБ (Евр.) Тот, кто советуется со знакомыми "духами"; некромант, воскрешатель мертвых или их призраков.

ШУ (Егип.) Персонификация бога Ра; представлено в виде "большой кошки Бассейна Персеа в Ану".

ШУДАЛА МАДАН (Там.) Вампир, упырь, или кладбищенское привидение.

ШУЛЕ МАДАН (Там.) Элементал, который якобы помогает "фокусникам" выращивать деревья манго и творить другие чудеса.

ШУТУКТ (Тибет.) Широко известный университетский монастырь в Тибете, насчитывающий свыше 30 000 монахов и студентов.

СИБАК (Киче.) Тростник, из сердцевины которого была сотворена третья раса людей, согласно писанию гватемалийцев под названием "Попол Вух".

СИБИКА (Санскр.) Оружие Куверы, бога благосостояния (ведийское божество, обитающее в Гадесе, следовательно, нечто вроде Плутона), сделанное из частей божественного великолепия Вишну, находящееся на Солнце, и отточенное Вишвакарманом, богом-Посвященным.

СИДДХАНТА (Санскр.) Любой научный труд астрономии или математике в Индии.

СИДДХАРТА (Санскр.) Имя, данное Готаме Будде.

СИДДХИ (Санскр.) Святые и мудрецы, ставшие почти божественными, также иерархия Дхиан-Коганов.

СИДДХАСАНА (Санскр.) Поза в упражнениях Хатха-йоги.

СИДДХА-СЕНА (Санскр.) Букв., "вождь Сиддхов"; титул Картткеи, "таинственного юноши" (кумара гуха).

СИДДХИ (Санскр.) Букв., "качества совершенства"; феноменальные силы, приобретаемые йогами благодаря святости.

СИДДИМ (Евр.) Нам говорят, что канааниты поклонялись этим злым силам как божествам; это наименование означает "излучатели"; в их честь была названа долина. По-видимому, существует связь между ними, как образцами Плодородной Природы, и многогрудыми Изидой и Дианой из Эфеса. В "Псалтыре", CVI, 37, это слово переведено как "черти", и мы узнаем, что канааниты проливали на них кровь своих сыновей и дочерей. Их название, видимо, происходит от того же корня ShD, от которого произведено имя бога Эл Шаддай.

По-арабски Шедим означает "Духи Природы", элементалы; они суть африты современного Египта и джины Персии, Индии и т.д.

СИДЕРАЛЬНЫЙ Все, относящееся к звездам, а в Оккультизме касающееся различных воздействий, исходящих из подобных областей, как, например, "сидеральная сила", упоминаемая Парацельсом, сидеральное (светящееся), эфирное тело и т.д.

СИ-ЦЗАН (Кит.) Китайское название Тибета; в Императорской Библиотеке столицы Фу Цзянь упомянут как "великое местонахождение Оккультного знания" в 2207 г. до Р.Х. ("Тайная Доктрина", I, 338.)

СИГЕ (Греч.) "Безмолвие"; название, принятое гностиками для обозначения корня, из которого произошли Зоны второго ряда.

ШИГРА или Шиграга (Санскр.) Отец Мору, "который продолжает жить силою Йоги и проявит себя в начале века Крита, чтобы восстановить Кшатриев в девятнадцатой Юге", гласят пуранические пророчества. "Мору" означает здесь "Мория", династию буддийских властителей Паталипутры, которая началась с великого Царя Чандрагупты, деда Царя Ашоки. Это первая буддийская Династия. ("Тайная Доктрина", I, 467.)

СИГУРД (Сканд.) Герой, который убил Фафнира, "Дракона", изжарил его сердце и съел, после чего стал мудрейшим из людей. Аллегория, относящаяся к Оккультному изучению и посвящению.

СИМОН-БЕН-ИОХАИ Раввин-Адепт, автор "Зохара" (см.).

СИМОН МАГ Величайший самаритянский гностик и тавматург, прозванный "великою Силою Бога".

СИМОРГ (Перс.) То же, что крылатый Сиорг, нечто вроде гигантского грифона, наполовину феникс, наполовину лев, наделен пророческими способностями в иранских легендах. Симорг был хранителем Мистерий древней Персии. В конце этого цикла ожидается его новое появление в виде гигантской птицы-льва. Эзотерически это символ Манвантарного цикла. Его арабское имя - Ракши.

СИНАЙ (Евр.) Гора Синай, Нисси "Исхода" (XVII, 15), место рождения почти всех солнечных богов древности, таких как Дионис, рожденный в Ниссе или Нисе, Зевс из Нисы, Вакх и Озирис (см.). Некоторые древние народы считали Солнце потомком Луны, которая сама некогда была солнцем. Sin-ai - это "Гора Луны", отсюда и соответствие.

СИНГ БОНГА Дух Солнца у коларианских племен.

СИНГХА (Санскр.) Созвездие Льва; Сингх означает "лев".

СИНИКА (Санскр.) Также Синита и Саника и т.п., как варианты. В "Вишну Пуране" это дано как имя грядущего мудреца, которого будет учить тот, кто станет Майтрейей, в конце Кали Юги, и добавлено, что это великая тайна.

СИНИВАЛИ (Санскр.) Первый день новолуния, непосредственно связан в Индии с оккультной практикой.

СИФРА ДИ ЦЕНИУТА (Халд.) Книга Сокрытой Тайны; один из разделов "Зохара". (См. Матерс, "Kabbalah Unveiled".)

СИРИУС (Греч.) По-египетски - Сотис. Звезда пса: звезда, которой поклонялись в Египте и которая почитается оккультистами; первые почитали ее, потому что ее восход вместе с солнцем был знаком благодатного наводнения Нила, а последние - потому что она таинственно связана с Тотом-Гермесом, богом мудрости, и, в другой форме, Меркурием. Таким образом, Сотис-Сириус обладал и по-прежнему обладает мистическим и непосредственным воздействием на все живое небо, и связан почти с каждым богом и богиней. Это была "Изида на небесах", и называлась она Изидой-Сотис, ибо Изиды находилась "в созвездии Пса", как провозглашается на ее

изваяниях. "Считалось, что душа Озириса пребывает в существе, которое большими шагами шествует впереди Сотиса со скипетром в руке и плетью через плечо." Сириус есть также Анубис, и непосредственно связан с кольцом "Не преступи"; кроме того, он идентичен с Мифрой, персидским богом Мистерий, и с Гором и даже Хатор, называемой иногда богиней Сотис. Будучи связан с Пирамидой, Сириус, вследствие этого, был связан с посвящениями, которые происходили в ней. Некогда внутри великого храма Дендеры существовал храм, посвященный Сириус-Сотису. Суммируя сказанное, все религии конечно же не произошли от Сириуса, звезды пса, как стремился доказать Дюфо, французский египтолог, но Сириус-Сотис, несомненно, тесно связан с каждой из религий древности.

ШИШТЫ (Санскр.) Великие избранные или Мудрецы, остающиеся после каждой малой Пралайи (той, которая в "Эзотерическом Буддизме" м-ра Синнетта названа "обскурацией"), когда глобус вступает в свою ночь или покой, чтобы, при своем пробуждении, стать семенем следующего человечества. Букв., "остаток".

СИСТР (Халд.) Согласно Берозу, последний из десяти царей династии божественных царей, и "Ной" Халдеи. Так, подобно тому, как Вишну предсказывает Вайвасвата-Ману надвигающийся потоп, и, предупреждая его, велит ему строить ковчег, в котором спасаются он и семеро Риши, - так же и бог Хэа предсказывает то же самое Сиситру (или Ксизутру), указывая ему подготовить корабль и спастись вместе с несколькими избранными. Следуя его примеру, почти 800 000 лет спустя Господь Бог Израиля повторяет такое же предупреждение Ною. Кто же из них более ранний? История Ксизутра, теперь расшифрованная с ассирийских табличек, подтверждает то, что о халдейском потопе говорили Бероз, Аполлодор, Абиден, и т.д., и т.д. (см. одиннадцатую табличку в "Chaldean Account of Genesis" Смита, с. 263 и далее). Эта табличка N XI включает все, о чем говорится в шестой и седьмой главах "Бытия" - богов, грехи людей, приказ строить ковчег, Потоп, уничтожение людей, голубя и ворона, посланных из ковчега, и, наконец, Гору Спасения в Армении (Низир-Арарат) - все это здесь. Слова - "бог Хэа услышал, и его печень разгневалась, так как люди запятнали его чистоту", и история о том, как он уничтожил все свое потомство, были высечены на каменных табличках за многие тысячелетия до того, как ассирийцы скопировали их на своих глиняных плитках, и даже последние, несомненно, предшествуют Пятикнижию, "записанному по памяти" Ездрой едва-ли за четыре столетия до Р.Х.

СИСТРУМ (Греч.) Египетский ссеш или кемкен. Инструмент, обычно делавшийся из бронзы, но иногда из золота или серебра, имеющий открытую кругообразную форму, с ручкой, и четырьмя струнами, проходящими через отверстия, на концах которых были прикреплены

звонящие кусочки металла; сверху он был украшен фигурой Изиды или Хатор. Это был священный инструмент, используемый в храмах для произведения, с помощью его сочетания металлов, магнетических токов и звуков. По сей день он сохранился в христианской Абиссинии под названием санасек, и благочестивые жрецы применяют его, чтобы "прогонять чертей из помещений", - действие, совершенно понятное для оккультиста, хотя оно и вызывает смех у скептика-востоковеда. Жрица обычно держала его в правой руке во время церемонии очищения воздуха или "заклинания стихий", как это назвал бы Э.Леви, тогда как жрецы держали Систрум в левой руке, правую манипулируя "ключом жизни" - крестом с рукояткой, или Тау.

СИСУМАРА (Санскр.) Воображаемый вращающийся пояс, в котором движутся все небесные тела. Этот сонм звезд и созвездий представлен фигурой Сисумары, черепахи (tortoise) /некоторые говорят - морской свиньи (porpoise)!, дракона, крокодила, и еще в том же роде. Но так как это есть символ Йога-медитации святого Васудэвы или Кришны, это должен быть крокодил или, вернее, дельфин, ибо он идентичен с Макарой Зодиака. Дхрува, древняя полярная звезда, помещается на конце хвоста этого звездного чудовища, голова которого обращена к югу и тело изгибается в кольцо. Выше, вдоль хвоста расположены Праджапати, Агни и т.д., а у его основания помещаются Индра, Дхарма и семь Риши (Большая Медведица), и т.д., и т.д. Значение его, конечно, мистическое.

ШИВА (Санскр.) Третье лицо индуистской Троицы (Тримурти). Он - бог первого порядка, и по своему характеру Разрушителя выше Вишну, Охранителя, ибо он разрушает лишь для того, чтобы возродить на более высоком плане. Он рожден как Рудра, Кумара, и является покровителем всех Йогов, и как таковой называется Маха-Йогом, великим аскетом. Его титулы многозначущи: Трилочана, "три-окий"; Махадэва, "великий бог"; Шанкара, и т.п., и т.п., и т.п.

ШИВА-РУДРА (Санскр.) Рудра - ведийское имя Шивы, - последнее в "Ведах" отсутствует.

СКАНДА или Skhanda (Санскр.) Букв., "свертки", или группы атрибутов; все конечное, неприменимое к вечному и абсолютному. Существуют пять - эзотерически семь - атрибутов в каждом человеке, которые называются Панча Сканды. Они суть 1) форма, рупа; 2) восприятие, видана; 3) сознание, санджна; 4) действие, санскара; 5) знание, видьяна. Они соединяются при рождении человека и образуют его личность. Достигнув зрелости, эти Сканды начинают разъединяться и слабеть, после чего следует джарамарана, или дряхлость и смерть.

СКРИМИР (Сканд.) Один из знаменитых великанов в "Эддах".

ШЛОКА (Санскр.) Санскритский эпический размер, состоящий из тридцати двух слогов: стихи из четырех полу-строк по восемь, или двух строк по шестнадцать слогов каждый.

ИЗУМРУДНАЯ СКРИЖАЛЬ ГЕРМЕСА Как выразился Элифас Леви, "эта Изумрудная Скрижаль представляет собой всю магию на одной странице; но Индия имеет одно-единственное слово, которое, когда понято, содержит "всю магию". Однако, это табличка, якобы найденная Сарай, женой Авраама (!), на мертвом теле Гермеса. Так утверждаю масоны и христианские каббалисты. Но в Теософии мы называем это аллергией. Разве это не может означать, что Сарай-свати, жена Браммы, или богиня сокровенной мудрости и познания, видя все еще много древней мудрости дремлющей в мертвом теле Человечество, возродила к жизни эту мудрость? Это повело к возрождению Оккультных Наук, столь долго забытых и пренебрегаемых, во всем мире. Сама скрижаль, хотя и содержит "всю магию", слишком длинна, чтобы приводить ее здесь.

(продолжение предполагается)

1001 смерть

А.П.Лаврин¹

ИСПАНИЯ: дон Винсенте.

Историю этого одержимого страстью библиофила-убийцы рассказывает Иштван Рат-Вег в "Комедии книги". Благородный дон Винсенте жил в Барселоне в первой половине XIX века. Он попал в столицу Испании, бежав из таррагонского монастыря во время разграбления и закрытия монастырей. В Барселоне он прижился, открыл книжную лавку, стал известным в городе букинистом. Правда, он не был любителем чтения - книги интересовали его только с точки зрения антикварной редкости. За инкунабулы он готов был продать душу. Беда была в том, что если ему попадала в руки инкунабула или иной раритет, то дон Винсенте едва мог найти в себе силы расстаться с ней. Он назначал огромные цены, но даже если находился покупатель, с трудом решался на их продажу. А продавать книги было необходимо: во-первых, деньги были нужны для еды и крова, а во-вторых, для оборота книг.

¹ Москва, «Ретекс», 1991.

Однажды на аукционе продавали очень редкую книгу - первое издание указника, выпущенное типографией Пальмарта в 1482 г. Несмотря на все старания, дон Винсенте не смог купить эту книгу, она досталась другому букинисту сеньору Патсоту. А спустя 2 недели в книжном магазинчике Патсота произошел пожар. Магазин сгорел полностью, на пепелище был обнаружен труп хозяина. По версии полиции, хозяин курил, лежа в постели, затем уснул, а от непотушенной сигары вспыхнул соломенный матрац.

Спустя некоторое время на окраине Барселоны нашли священника, заколотого кинжалом. Прошло три дня - и еще один труп. На сей раз жертвой стал молодой немецкий ученый. Он тоже был заколот кинжалом. Удивительным было то, что убитые не были ограблены - деньги остались в их кошельках. Но зато все убитые были людьми учеными. Горожане было решили, что это – проделки святой инквизиции, которая, после того, как ей было запрещено жечь людей на кострах, решила расправляться с грешниками таким путем.

Следствие, перебирая разные версии, пришло к мысли, что тайным агентом инквизиции мог быть монах-расстрига из таррагонского монастыря. В доме дона Винсенте произвели обыск, во время которого комиссар полиции обнаружил на полке книгу Эмерика де Жирона "Руководство для воинов инквизиции". Кажется, подозрения подтверждались. Но, когда с полки

стали брать эту книгу, рядом обнаружили то самое редкое издание 1482 г., за которым охотился Дон Винсенте, но которое досталось погибшему Патсоту. Зацепившись за это подозрительное обстоятельство, комиссар полиции постепенно обнаружил и другие улики. Дон Винсенте был арестован и, в конце концов, сознался в целом ряде убийств, совершенных им из библиофильской страсти.

Патсота он удушил, чтобы похитить пальмартовское издание, а затем поджег его магазинчик. Священника он убил потому, что тот приобрел у него уникальную книгу. Дон Винсенте назначил за нее огромную цену, но священник все равно купил ее. Это и стало причиной его гибели. Когда священник ушел с покупкой, дон Винсенте не выдержал и побежал вслед за ним. По дороге он долго уговаривал священника продать ему книгу назад - причем за цену большую, чем при покупке. Но священник отказывался. И тогда в пустынном месте дон Винсенте выхватил кинжал и заколол своего покупателя.

Затем букинист-убийца разработал свою систему. При продаже книг он заманивал покупателей в комнату за стенкой в своей лавке, убивал несчастных кинжалом, а ночью, завернув труп, выбрасывал его в канаву на окраине города.

Когда на суде дон Винсенте спросили, что побудило его к таким чудовищным поступкам, он спокойно ответил:

- Люди смертны. Рано или поздно Господь призовет к себе всех. А хорошие книги бессмертны и заботиться нужно только о них.

Когда шло судебное разбирательство, адвокат, пытаясь спасти дона Винсенте, стал говорить, что его подзащитному не было нужды убивать Патсота, поскольку экземпляр указника, выпущенного типографией Пальмарта в 1482 г., не уникален. Еще одна такая книга появилась в каталоге одного букинистического магазина в Париже. Это известие потрясло дона Винсенте намного больше, чем само судебное разбирательство. Он с отчаянием повторял:

- Я - жертва чудовищной ошибки: мой экземпляр не уникам!

Решением суда дон Винсенте был приговорен к мучительной смерти. От исповеди он отказался.

(продолжение предполагается)

Татьяна ТОЛСТАЯ

Кысь

Copyright: Татьяна Никитична Толстая

Email: ttolstaya@hotmail.com

WWW: <http://www.tema.ru/rrr/litcafe/tolstaya/>

Толстая Т.Н., "Кысь". — Роман. — М., "Подкова";
"Иностранка", 2000. — 384 стр.

ISBN 5-8951701243 (Издательский Дом "Подкова")

ISBN 5-94145-001-X (Издательство "Иностранка")

УДК 300.36 ББК 15.56 йТ.

Содержание:

Аз	И краткое	Слово	Ер
Буки	И десятиричное	Твердо	Иры
Веди	Како	Ук	Ерь
Глаголь	Люди	Ферт	Ять
Добро	Мыслете	Хер	Фита
Есть	Наш	Ща	Ижица
Живете	Он	Ци	
Зело	Покой	Червь	
Иже	Рцы	Ша	

ФЕРТ

Пришла весна с большими цветами.
Проголубело за окном, - только и заметил
Бенедикт, что свету прихлынуло, читать виднее
стало. Отвел пузырь, что окошко застил, - вона!
все луга-поляны муравой давно покрылися, уж
и

лазоревые цветики сходят, черед желтым. Ветер
медовыми волнами налетает, в дальние страны
зовет, тридевятые царства-государства
проведать, долбленную ладью на чистую речку
спускать, к морю-окияну путь держать! А только
Бенедикту этого не надобно. Всё у Бенедикта в
книгах, словно бы в тайных коробах, свернутое,
схороненное лежит: и ветер морской, и луговой,
и

ненастный, и снеговой, и который зефиром
звать, и синий, и песчаный! Ночи беззвездные и
ночи страстные, ночи бархатные и ночи
бессонные! Южные, белые, розовые,
сладчайшие, иссушающие! Звезды золотые,
серебряные, голубые, зеленые, и как соль
морская, и бегучие, и падучие, и зловещие, и
алмазные, и одинокие, и бедой грозящие, и
путеводные, слышь, - и путеводные! Все ладьи
всех морей, все поцелуи, все острова, дороги
все и города, куда дороги те
ведут, все городские ворота, щели и лазы,
подземелья, башни, флаги, все кудри златые,

все косы черные как смоль, оружия гром и бряцание, облака, степи, да опять ветры, да опять моря да звезды! Ничего ему не надо, все тут!

Богач - вот он кто. Бо-гач! Бенедикт подумал про себя: "бо-гач", - и сам засмеялся. Визгнул даже. Сам себе мурза! Салтан! Все у меня в руке, в кулаке, в буковках малых: и природа вся неохватная, и жизни людские! Стар и млад, и красавицы несусветные!

А еще что в книгах-то хорошо: красавицы эти, что меж страниц платьями шуршат, из-за ставень выглядывают, из-под занавесей кружевных, узорных; красавицы, что руки белые заламывают, с распущенным с волосам под ноги коню бросаются, гневными взглядами вспыхивают, - сама в слезах, а талия в рюмку какую-то; что разметываются с сердцебиением на лежанке, а вскочив, диким взором поводят окрест; что семят боязливо, потупив синие очи; что пляшут пляски огневые с розой в волосах, - никогда эти красавицы по нужде не ходят, никогда оброненное с полу, кряхтя, не подбирают, не пучит красавиц-то этих, ни прыща у них не вскочит, ни ломоты в пояснице не бывает. Перхоти в златых кудрях у них не водится, вошь малюткам своим гнездышка не вьет, яичек не откладывает, стороной обходит. Да и кудри те златые - они ж у них цельные сутки кудрявятся, а того не сказано, чтоб полдня с колобашками сидеть. Не случилось им ни чавкать, ни сморкаться, спят тихо, щеками не

булькают, никакая Изабелла али Каролина со сна не опухши; зевнув - зубами не клацают, вскакивают освеженные и распахивают занавеси. И все радостно кидаются в объятия избраннику, а избранник-то кто же? избранник - Бенедикт, зовись он хоть дон Педро, хоть Сысой.

А то: весна! Зачем ему весна? Весной одно хорошо: читать светлее. День длинней, буквы видней.

Летом велел гамак себе на галерее подвесить. Над гамаком навес легкий, от блядуниц защита. Никакой у них совести, у блядуниц, ни самомалейшей: где карниз увидят, там и сядут, оттуда и курлычут и гадят. Ладно если в волосья попадет, а ну как на книгу? Двух холопов по бокам приставил, чтоб опахалами помавали и всякую мошку али комарье от него отгоняли. Девку-качалку приставил, чтоб гамак качала, али сказать, колебала, но не сильно, а так, чуть-чуть. Другую - чтоб беспрестанно прохладительные заправки подносила: ягоду кизил толкла, канпот с ее варила и колотого леду туда побольше пехтала, а этого леду еще с зимы запасено, всю зиму работники на реке лед рубили и в холодном подполе хоронили. А этот канпот хорошо через соломинку пить: срежут траву какую, если не ядовитая, высушат, а внутри ее трубочку видать, а через ту трубочку напитки пить.

Вот уж муха пошла злая и крупная, крыло у ней в синеву отливать стало, глазки радужные, а

нрав неумный; два работника умаялись отгонявши, третий на подмогу прибежал; стало быть, осень. Поднял глаза: и правда осень, брызнет дождем из тучи, не дай Бог книгу намочит. Перебрался в терем.

(продолжение предполагается)

АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ

28

Теперь Данилов спал часа по четыре в сутки. Его просили зайти в милицию к следователю Несынову, он не выбрался.

Он позвонил в оркестр на радио и сказал, что не сможет пока играть с ними. А ведь деньги были ему нужны.

Он играл в театре, играл дома, ездил на репетиции с оркестром Чудецкого. Когда играл, ему было хорошо. Когда отдыхал и думал о своей игре, сидел мрачный. Репетировали в утренние часы в зале Дворца энергетиков. Оркестранты были люди молодые, Данилов пришелся бы им старшим братом, по вечерам они работали кто где: кто в театрах, в том числе и драматических, кто в Москонцерте, кто в ресторанных ансамблях. Все они были недовольны своим теперешним положением, и то, что они были вынуждены исполнять на службе, им не нравилось. Душа их рвалась к большой музыке. Пусть за эту музыку и не платили. Все они, если разобраться, были

юнцы, еще не утихшие, жаждущие простора и признания, уверенные в своих шансах сравняться с Ойстрахом, Рихтером, а кто — и с Бетховеном.

Первый раз на репетицию Данилов ехал в ознобе, в ознобе он вышел и на сцену. Чувствовал, как смотрят на него оркестранты. Друг другу они уже знали цену. Данилов играл старательно, но, наверное, хуже, чем дома, да и не наверное, а точно хуже. Однако в оркестре лиц недовольных он не заметил. Но, естественно, и по пюпитрам стучать никто не стал. Отношение к нему было спокойное, как бы деловое. Ну, сыграл — и ладно. Данилов отошел в сторонку, присел на стул, опустил инструмент. Чудецкий с Переслегиным стояли метрах в пяти от него, говорили озабоченно, но не об его игре и не об игре оркестра и других солистов — валторны и кларнета, а о том, что симфония звучала сорок четыре минуты, Переслегин заметил время. Это много, считали они.

Данилов почувствовал себя одиноким на сцене, да и на всем свете. Ему стало холодно, будто он без шапки и в плаще оказался на льдине в полярных водах, ветер сбивал его с ног, подталкивал к трещине, становившейся все шире и страшнее. Яма в театре представилась сейчас Данилову местом спасения. "Что я лезу-то в калашный ряд!" — отругал себя Данилов. Композитор Переслегин сказал ему: "Как будто бы ничего..." И все. Имел он в виду то ли игру Данилова, то ли свою музыку. То ли успокаивал

Данилова, то ли успокаивал себя. Переслегин тут же ушел куда-то, и Данилов решил, что Переслегин им недоволен, но из деликатности говорить ему об этом, да и никому, не стал: ведь он сам отыскал именно Данилова, сам его смутил и подтолкнул к дерзости. "Да и когда автор был доволен исполнителем!" — сказал себе Данилов, однако ему не стало легче.

Дирижер Чудецкий подошел к нему. Чудецкий был Данилову ровесник, манеры имел мягкие, выглядел скорее дипломатом, нежели дирижером. Но было в нем и нечто твердое, значительное, словно он уже получил звание, да и не заслуженного, а народного. Чудецкий вежливо высказал Данилову замечания, уточнил время новой репетиции и добавил: "Думаю, что симфония прозвучит..." Но как-то вяло добавил.

"Прозвучит-то прозвучит, — говорил себе Данилов, сидя ночью над партитурой, — весь вопрос — как..." Теперь он понимал: утром музыка оркестра смяла его, раздавила, подчинила себе голос его альта. Да и был ли слышен этот голос, этот слабый писк? Выходило, что Данилов явился не готовым к репетиции. Дома он играл музыку Переслегина с удовольствием, радовался и ей и себе, но симфония превратилась для него как бы в концерт для альта, он словно бы забыл, что его альт существует в партитуре, не сам по себе, а в вечных столкновениях или перемириях с

валторной и кларнетом, и уж, конечно, со всем оркестром. Нынче утром его альт был как будто бы удивлен тому, что на него обрушились звуки оркестра, что они терзают его, требуют от него чего-то, зовут куда-то или успокаивают с материнской нежностью, альт Данилова растерялся от всего этого, как растерялся и сам Данилов, а потому звучал лишь старательно. Стало быть, и посредственно.

Да, Данилов внимательно читал партитуру Переслегина, но оркестр звучал в нем, видно, не так, как следовало ему звучать. А потом и вовсе затих, пропал куда-то, оставив инструмент Данилова в одиночестве. Сегодня же музыка Переслегина удивила Данилова. Она была мощная, нервная, широкая, порой трагическая, порой нежная, порой ехидная и ломкая, порой яростная. Альт в ней жил человеком, личностью, возможно — Переслегиным, или нет, им, Даниловым, с его прошлым и его вторым "я" — валторной и кларнетом, оркестр же был — толпой, жизнью, веком. Землей, вселенной, в них и существовал альт. То есть должен был бы существовать. Утром Данилов был на сцене, но будто бы сидел в своей комнате и там музицировал сам для себя, а жизнь и век шумели за стенами дома в Останкине. Только услышав оркестр, Данилов понял, как велик мир, переданный звуками симфонии, и как важен в этом мире голос альта. Симфония была не о мелкой личности, нет. Личность эта как будто бы соответствовала веку и вселенной. Но

соответствовал ли этой личности голос альта? "Отчего он взял альт? — думал теперь Данилов. — Разве можно альтом передать сущность современного человека, деятельного причем. В особенности мужчину. А впрочем, и женщину тоже. Тут нужна труба, или ударные, или саксофон. Или рояль на худой конец. А то — альт! С его тихим голосом, с его изысканными манерами. Он свое отзвучал в воздушные времена Ватто... Теперь, небось, и Переслегин казнит себя за то, что вывел солистом альт..." Но эти мысли тут же вызывали у Данилова обиду за альт. Он объяснял себе, что Переслегин намерен был рассказать о натуре тонкой, душевной, — не трубой же и не ударными тонкую-то натуру передавать! Другое дело, что Переслегину был нужен иной альт. А главное — иной исполнитель.

Так терзался Данилов. И день, и два, и три. После четвертой репетиции он осторожно сказал Переслегину, что еще не поздно пригласить другого альтиста. "Нет, нет!" — решительно возразил Переслегин. И опять ушел куда-то. Впрочем, Данилову казалось, что Переслегин и Чудецкий смотрят на него теперь благосклоннее. Да и в глазах оркестрантов к нему как будто бы появилось больше любопытства. Однако Данилов ходил мрачный, бранил себя.

Теперь он, казалось ему, понимал, как следует играть музыку Переслегина. И оттого, что понимал, еще больше расстраивался. Разве он так сыграет? А ему хотелось сыграть хорошо, и

уже не для себя, а для Переслегина, для музыкантов, составивших молодежный оркестр, для людей, какие, возможно, через пятнадцать дней придут во Дворец энергетиков. День выступления казался ему черным пределом. Хорошо ему было жить прежде с одними упованиями о своем будущем в большой музыке. Вот оно, будущее, и наступало. Реальное, жестокое. Всем упованиям Данилова оно могло положить конец. Да что могло! Должно было!

Иногда Данилов злился на свой инструмент, вздыхал: "Вот бы Альбани..." Но разве дело было в Альбани! Кабы в Альбани! Данилов осунулся, а и так был худ. Случались минуты, когда он у себя в квартире, оставив инструмент и ноты, подходил к окну, пытался представить, какие чувства испытывал в последние мгновения жизни Миша Коренев, о чем он размышлял и намечал ли раньше себе это окно. Стояли холода, когда Миша прыгнул, рамы были проклеены бумагой, и Мише пришлось с силой рвануть створку...

Не сразу Данилов отходил от окна... Мысли о тишине были соблазнительны. Вдруг Земский прав? Данилов чувствовал в себе симфонию Переслегина, все ее звуки и звуки своего альта, но он знал, что не сможет передать людям их так, как он их чувствовал. Да и никогда он не создаст именно эти звуки! С трудом Данилов заставлял себя брать инструмент. И играл, играл... Не думал ни о чем, просто играл.

Окончив какую-либо часть симфонии, говорил себе: "Да нет, что же я, ведь неплохо, лучше, чем в прошлый раз, не такая я уж и бездарность..." Однако проходили минуты, возвращались мысли о собственном несовершенстве, чуть ли не плакать хотелось... Он стал раздражительным. Вещи, не слушавшиеся Данилова, злили его. Он готов был их разбить или сломать. В театре коллеги удивлялись Данилову: для них он был ровный, мягкий человек, вежливый, как старый петербуржец, а тут словно преобразился. Он и на репетициях во Дворце энергетиков нервничал, и не раз. Однажды чуть было не поругался с Переслегиным. Переслегин тоже был в раздражении, ему не нравилась и своя музыка, и оркестр, и игра Данилова, и, наверное, то, что альт солировал у него в симфонии. Он ходил по сцене дровосеком, явись ему сейчас топор в руки, он порубил бы в ярости и пюпитры, и инструменты, в том числе и медные. Походив, он бросил оркестру, а потом и Данилову обидные слова. Данилов, как будто бы готовый принять любой упрек в свой адрес, все же не выдержал и тоже обидел словом композитора. Про себя подумал: "Тоже мне! Большой мастер! Чайковский! Вагнер! Строит из себя гения... А сам-то кто! Сочинил симфонию в семи частях, не знает почему, а думает, что гений".

Только в вестибюле Данилов пришел в себя. "Что я — базарная баба, что ли? Да пусть в семи частях и есть претензия, так что же — от этого

музыка вышла плохая? Ведь нет! А Успенский, тот симфонию написал в двадцати с лишком частях, и как написал! Что взъяряться-то! Скажи спасибо, что за ебя все хлопоты произвели и пригласили на готовое". Действительно, ведь другой в его возрасте долго бы бился, чтобы ни с того ни с сего получить выступление. Да и что иронизировать по поводу семи частей, ведь, играя Переслегина, он, Данилов, не чувствовал искусственности построения симфонии, наоборот, выходило, что именно семь частей и были нужны. "Экая я скотина, — думал Данилов, — надо бранить себя, а я Переслегина..." Им бы с Переслегиным быть теперь как одно, слиться мыслями и чувствами, а они смотрели друг на друга врагами. Переслегин, похоже, теперь его, Данилова, лишь терпел. И Данилов вел себя так, будто был не рад, что связался с Переслегиным и его музыкой. А ведь оба они были взрослыми мужчинами!

"Хоть бы Земскому, что ли, душу излить?" — думал Данилов. К Земскому его тянуло. Но опять бы он услышал слова о спасительной тишине. Данилов же и без Земского, перелистывая книгу о Хиросиге, наткнулся на слова учения "юген" — "Истина — вне слов". А истина музыки, стало быть, вне звуков? Во всяком случае, она вне звуков его бездарного альта! Лучше уже тишина как исход и успокоение. Лучше уж распахнутое окно и прыжок в тишину...

Нет! Это было не для Данилова. Теперь при мыслях об окне Миши Коренева Данилов

приходил в ярость, сразу же брал альт и смычок.

В этой своей ярости он поссорился с Наташей. Дважды он обещал Наташе приехать к ней — и все не получалось. Наконец она позвонила ему, он играл, не сразу вернулся в реальность, сказал Наташе что-то нескладное, резкое, она обиделась. В другой раз он сразу бы нашел Наташу, повел бы себя дипломатом и все бы уладил в мгновение. А тут он и сам обиделся. "Она и понять меня не может, — думал Данилов, — что ей моя музыка!" На следующий день после спектакля он все же бросился к Покровским воротам и по дороге к знакомому дому встретил Наташу, она прогуливалась под руку с молодым человеком. Наташа Данилову сухо кивнула и пошла дальше. Она была красива, отчего же не прогуливаться с ней молодому человеку? Данилов вначале рассвирепел. Но что было свирепеть и возмущаться? Какие он имел права на ее свободу и симпатии! Да и был в ее судьбе уже человек со скрипкой, много ли радости мог принести ей еще один неуравновешенный музыкант! Тут же пришли на ум и слова Клавдии: "Наташа — совсем не простая..." Значит, и не простая. Для успокоения Данилов убедил себя в том, что не только он Наташе не нужен, но и она ему не нужна. Убедил без труда. Он так уставал сейчас от музыки, что на женщин не глядел. Да и что общего, думал Данилов, может быть у них с Наташей? Она так легко

обиделась на его резкость, стало быть, и понять не могла — или не хотела! — что творится сейчас с ним. Что ей до его дела, до его переживаний! Эта мысль была сладкая. Но тут же явилась и мысль неприятная. А он-то знает, что сейчас на душе у Наташи? Страдает она или нет? Похоже, это его и не интересовало... Не говорил ли ему Земский, что он обречен на одиночество? И на жестокость. То есть не он, а Большой Артист. Но ведь Данилов и был намерен стать Большим Артистом. Впрочем, эти намерения жили в нем до нынешних репетиций. Теперь они сконфузились и утихли. "Какой уж тут большой артист!" — думал Данилов. Он считал сейчас, что ему очень хочется исполнить музыку Переслегина. Он ее и исполнит. И все. Однако иногда, на минуты, оживали и прежние упования. А вдруг...

"Нет, наверное, я и есть одинокий себялюбец, — сокрушался Данилов. — Много ли я думал о людях, которые мне дороги? Вот я и одинок..." Тут же он вступал с собой в спор. Отчего же он одинок? У него много приятелей, Муравлевы в частности, им интересны и близки его порывы, его дело, они готовы выслушать любые его излияния, а если возникнет нужда, тут же бросятся ему помогать. Пустому себялюбцу стали бы они помогать? Вряд ли... Другое дело, что сам он из-за тайной своей жизни старается быть на некоем расстоянии от людей ему приятных. Чтобы не навредить им. Быть одиноким он не хотел, и жестокость вовсе не в

его натуре. Он желал любить и жалеть. Он бы и сейчас ради дорогого друга, бросив альт, побежал с авоськой в магазин или в аптеку за горчичниками и кислородной подушкой... Да и теперь он не то чтобы проявляет себя эгоистом, просто в суете и хлопотах не успевает заниматься лишь своими делами, на чужие у него не остается ни времени, ни сил... Но в искусстве он, и верно, будет всегда одинок, творцы — одиноки, кто же вместо него, Данилова, создаст музыку? Тут он один. Он да альт...

Так Данилов размышлял, то ругал себя, то оправдывал. То давал себе слово стать иным. А каким — он и сам не знал. При всем при этом мириться с Наташей он не был намерен. Данилов дулся на Наташу. Он бьется с музыкой Переслегина, а она гуляет с молодым человеком... Ну и пусть. Ну и ладно. Ей будет лучше оттого, что она оборвет отношения с Даниловым. Ну и ему лучше. Музыке его никто не станет мешать...

Наконец на репетиции Данилов остался доволен своей игрой. Он даже улыбался в то утро. Явившись в театр, узнал, что на гастроли в Италию поедет не он, а альтист Чехонин. "Ну что же, — успокаивал себя Данилов, — и Чехонин достоин поездки". Хотя и знал, что Чехонин музыкант скверный. И другие знали это. В антрактах Данилов ходил скучный. Было обидно, следовало сейчас же идти в кабинеты, требовать, упрашивать. Однако Данилов и

прежде никуда бы не пошел, теперь же он и вовсе не желал тратить нервную энергию. Данилов вспомнил о звонке пегого хлопобуда. "Вот оно, старца проклятье!.." Может, конечно, и не оно... Наутро Данилов осторожно поинтересовался у дирижера Чудецкого, не будет ли каких затруднений с залом Дворца энергетиков.

— А что такое? — удивился Чудецкий.

— Да нет, я так... Я к тому, не замышляется ли тут конкурс бальных танцев...

— Сейчас узнаю, — сказал Чудецкий.

Ушел он легким маэстро, судьбой предназначенным для вальсов и полек Штрауса, вернулся серьезным музыкантом, готовым к Шестой симфонии Петра Ильича.

— Действительно, затеяли конкурс бальных танцев, — сказал Чудецкий. — Опять у нас начнется беготня...

— Досадно, — сказал Данилов.

— Досадно, — кивнул Чудецкий. — Но не мы одни такие... Есть и театры.

Данилов хотел было намекнуть насчет Клуба медицинских работников, но удержался. "Ну спасибо, хлопобуды! — подумал Данилов. — Я ведь и впрямь рассержусь..."

Ночью у Данилова зазвонил телефон. Данилов поднялся медленно, трубку взял нехотя. Раньше бы он припрыгал к телефону в надежде услышать Наташин голос. А теперь и Наташин голос не смог бы заставить его двигаться быстрее. Звонила Клавдия. Она страдала, ей

было плохо, она хотела увидеть Данилова, умоляла его зайти к ней завтра.

— Извини, но у меня совсем нет времени, — сказал Данилов, зевая.

— Володенька, я тебя никогда ни о чем не прошу, а теперь прошу... Ты должен мне помочь...

"А ну ее!" — подумал Данилов. Однако он смутился. Голос Клавдии звучал непривычно жалко. Будто и впрямь с ней что-то стряслось. Позавчера Данилов корил себя за эгоизм, а теперь вот отказывается помочь человеку в беде! Да и тянуло теперь Данилова узнать от Клавдии нечто новое о хлопобудах, этих смельчаках и умницах...

К Клавдии он выбрался за час до вечернего спектакля, ехать следовало на квартиру Войнова.

Клавдия встретила Данилова в шелковом халате, с платком на голове, укрывшим бигуди. Выглядела она озабоченной и деловой. А Данилов шел к ней в тревоге, думал, что Клавдия выйдет в слезах, бросится к нему на грудь за утешениями. "Опять морочила голову!" — обиделся Данилов.

Был дома и профессор Войнов. Данилову он пожал руку. Данилов заметил, что живот у Войнова убавился. Войнов последние недели бегал трусцой. Он и сейчас, крупный, широкий в кости, в синем тренировочном костюме с белыми лампасами, походил на спортсмена,

готового бежать. Но нет, похоже, ему было определено занятие дома.

На полу большой комнаты стояли четыре бутылки из-под вина "Старый замок" с пробками внутри. Войнов сразу же вернулся к бутылкам. Сел на стул, шнурком от ботинок стал ловить пробку в ближней бутылке. Язык высунул. Данилов взволновался, присел возле бутылки на корточки, готов был помочь Войнову советами.

— Пошли, пошли, — резко сказала Клавдия.

— Вчера выходило, — как бы извиняясь перед Даниловым, произнес Войнов, — а сегодня петля соскакивает.

— Данилов, пошли!

— Зачем это он? — спросил Данилов Клавдию в коридоре.

— На всякий случай, — сказала Клавдия Петровна. — Мало ли что...

— Надо леской.

— Мы пробовали. Шнурком надежнее. Да и обойдется шнурок дешевле.

Клавдия провела Данилова в свою комнату, спросила:

— Ну ты что?

— Как что? Ты мне звонила ночью...

— Ах да... — вспомнила Клавдия. — Ну ладно. Пока посиди минуту, я кончу одно дело...

Она уселась за стол, то ли письменный, то ли туалетный, и на листе хорошей бумаги принялась что-то решительно писать. Ручка ее двигалась, словно Пегги Флеминг по льду во

время обязательной программы, росчерки пера получались какие-то особенные и красивые, на листе бумаги возникали вензеля. В комнате Клавдии у Войнова Данилов был впервые. Впрочем, она мало чем отличалась от личных покоев Клавдии в квартире Данилова, более знакомой. Только здесь над столом, в рамке и под стеклом, группой, "под деревню", разместились портреты женщин. Портреты были черно-белыми репродукциями с гравюр, живописных портретов и кинокадров. Всего из общей рамки на Данилова глядело десять дам. Маргарита Наваррская. Жанна д'Арк. Екатерина Дашкова на лошади. Зинаида Волконская. Софья Ковалевская. Александра Коллонтай. Софи Лорен. Сама Клавдия. Юная и хорошенькая. Девятую даму Данилов узнал не сразу. Потом понял, что это Миледи из "Трех мушкетеров". То есть Милен Демонжо, игравшая Миледи. "Что же это она их в рамку?" — удивился Данилов.

За стеной раздался стеклянный звук.

Клавдия подняла голову, сказала с досадой:

— Опять уронил бутылку. Вот медведь!

Тут она заметила Данилова и в первое мгновение удивилась ему.

— Посиди, посиди, Данилов...

— У тебя срочное дело?

— Да... То есть не дело, а упражнение. За королеву Елизавету пишу королеве Бельгии. По образцу.

Клавдия протянула Данилову серую книгу "Дипломатический церемониал и протокол", а сама продолжила разведение вензелей. Книгу Данилов листал с любопытством. Он и сам был не прочь иметь такую. Чуть ли не наизусть запомнил параграфы о бутоньерке, планы рассадки почетных гостей на завтраках с женщинами и без женщин, узнал, что в представительских экипажах с расположением мест друг против друга почетным местом является место на заднем сиденье справа по ходу движения. Шелковой лентой в книге была заложена страница с разделом "Переписка между монархами". Здесь предлагались образцы комплиментов и обращений к монаршим особам. Клавдия, видно, следуя советам протокола, и сочиняла сейчас письмо бельгийской королеве.

— Вот, — сказала Клавдия. — Теперь комплимент на месте и концовка верная: "Моей доброй сестре королеве Бельгии". А если бы они были родственницами, пришлось бы добавить: "Моей доброй сестре и дорогой кузине..." А если бы я писала от себя, то окончила бы словами: "Имею честь быть Вашего королевского высочества весьма покорный слуга". Непростое дело. К маркизу следует обращаться: "Весьма достопочтенный маркиз..." Достопочтенный всегда сокращается и пишется: "Дост." Граф — тот высокочтимый... А епископ — Ваше блаженство...

— Зачем тебе?..

— Ну мало ли зачем... — уклончиво сказала Клавдия.

— Все-таки едешь в Англию?

— Пока нет. Да тут и не только английские правила, тут французские, прочие... Я, может, и без всякой перспективы. А так... Просто интересно...

— И что же ты написала бельгийской королеве?

— Это наш с ней секрет, — строго сказала Клавдия.

— Я вижу, что у тебя увлекательное занятие, — сказал Данилов, — и в моем участии нет никакой необходимости. В следующий раз я вряд ли поверю ночным звонкам. А теперь прошу принять уверения в моем глубоком уважении. С этим я раскланиваюсь.

Данилов встал. Он был сердит.

За стеной опять упала бутылка.

— Ну прости, ну извини, — чуть ли не взмолилась Клавдия. — Я тебе вчера не лгала. Мне и вправду было тошно.

И тут она расплакалась.

Данилов поначалу смотрел на Клавдию с недоверием — не новая ли это уловка удержать его при себе? Он хорошо знал, какие у Клавдии бывают глаза и какие губы, когда она фальшивит. Нет, выходило — страдания ее были искренними. Данилов расчувствовался. — Было тошно, не хотелось жить... Я нуждалась в тебе!

— Что-нибудь случилось? — спросил Данилов.

— Ничего не случилось... А так... Тошно, и все... Бегаешь, крутишься, а зачем? Все мелкое... И все пустое!

Полчаса назад Данилов думал сказать Клавдии о сомнительности ее предприятий с изумрудами и дипломами, теперь он был готов расхвалить эти же изумруды и дипломы. Давно он не видел Клавдию такой — беззащитной, смятой жизнью, — куда девалась ее победная уверенность в себе!

— Данилов, ушло бы все это! А жить бы просто и для чего-то, и чтобы кто-то верный был рядом! Хоть бы и ты!..

Данилов сидел растроганный, думал: "Может, и вправду стоило быть рядом с ней, а все остальное — ошибка?"

— Это со всеми случается, — сказал Данилов, — находит тоска, и все... Что же отчаиваться? Надо жить. У тебя ведь с будущим связаны большие надежды...

— Какие? — нервно спросила Клавдия.

Однако слезы уже высохали на ее щеках.

— Ну какие... — осторожно сказал Данилов, — ты знаешь о них лучше меня... Или хлопобуды... Наконец, у тебя будет главная идея... Эта... достаточно сумасшедшая...

— А она осуществима?

— Не знаю... Я и о самой идее не знаю. Не знаю, что тебе на двадцать лет вперед припрогнозировали хлопобуды...

— Независимость! — горячо сказала Клавдия.
— Вот моя главная идея!

— От чего независимость? От кого?

— Просто независимость! Независимость с большой буквы!

— Ну знаешь... — развел руками Данилов.

Больше он ничего не мог сказать.

Клавдия была в печали, но уже и энергия появилась в ее взгляде. Данилов чувствовал, что, если он сейчас станет соглашаться со словами Клавдии о неосуществимости ее достаточно безумной идеи, Клавдия сама ринется в спор и с ним, и с собственными словами. Это было хорошо, значит, она отошла от ночных тревог. Наверное, и отошла, раз писала письма королеве Бельгии. Слезы ее были, видно, явлением остаточным...

— А отчего эти женщины оказались вместе? — спросил Данилов, имея в виду портреты в рамке.

— Подумай...

— Станный набор...

— Стало быть, ты плохо знаешь меня, коли считаешь, что странный...

— Теперешнюю — возможно, что и плохо.

— Если все их свойства перемешать и слить в одной! Что было бы! Я б перевернула весь мир!

— У тебя вселенские масштабы?

— Данилов, какие во мне энергии и порывы! Если б ты знал! Но ведь все попусту... Все сгорит во мне... А я бы... Может, конечно, еще и выйдет что...

— Независимость тебе определили хлопобуды?

— Да. Но это тайна. Молчать о ней — в твоих же интересах. Как и в моих.

— Хлопобуды — серьезные люди?

— Они очень серьезные люди.

— Я уже чувствую, — вздохнул Данилов.

— С чего бы вдруг? Ты им не вредил?

— Пока нет.

— Не вздумай вставать у них на дороге. Сметут!

— Не пугайся. Я хожу по другой дороге.

— Но если они позовут в очередь, соглашайся немедленно!

— Зачем?

— Из вашего театра люди стоят. Знают зачем.

— Кто же это?

Данилову очень захотелось, чтобы Клавдия назвала альтиста Чехонина. Она его и назвала. Еще, по ее словам, в очереди стояли виолончелист Туруканов и один из дирижеров, фамилию его Клавдия не помнила, но знала, что он — дирижер.

— Надо подумать, — сказал Данилов.

— Тут и думать нечего! Ты человек легкомысленный, что тебе будущее! Конечно, ради музыки в очередь вставать глупо. Но хлопобуды и тебе поставили бы прогнозы, возможно, нашли бы и главную твою идею. Ты стал бы жить серьезнее! Нет, ты встань! Ты хоть мне будешь помогать!

— Но откуда брать деньги на взносы?

— Приработаешь!

При воспоминании о пятнадцати рублях разговор об очереди стал Данилову неинтересным. Да и не собирался он вставать ни в какую очередь! Ему бы теперь вести разговоры с Переслегиным и Чудецким, а он занимался пустой болтовней с Клавдией. Эка Клавдия умеет его прихватывать! А главное — он сам, при всех своих попытках освободиться из-под ее власти, при всех своих горячих внутренних монологах, является и является к ней! Конечно, она напугала его своим ночным звонком. Но что пугаться! Есть у нее утешители. И Войнов среди прочих. Да, наконец, и дамы, собранные в рамке, способны, видно, развеивать сомнения Клавдии. Что он ринулся сюда? Неужели у него и вправду есть потребность во встречах с ней? Или он стал больше уважать ее, в особенности теперь, когда узнал о ее страстях и вселенских намерениях? А ведь она ни разу не заговорила ни о его заботах, ни о его музыке. Но, может, оно и хорошо, что, встречаясь с Клавдией, он на время забывал о музыке? Может, в этих забвениях есть нечто необходимое и целительное? "Не знаю, — сказал себе Данилов, — не знаю..." Но пора б ему было и знать.

— Это у тебя золото? — спросил Данилов, имея в виду медальон, висевший на гвоздике под портретами замечательных женщин.

— Золото, — сказала Клавдия. — К счастью, есть у меня друзья, способные делать и такие подарки.

В словах ее был упрек, но Данилов упрек не принял. Он пошел было к двери, однако Клавдия сняла с гвоздика медальон, открыла его, протянула Данилову. К задней стенке медальона была приклеена фотография попугая с плеча Ростовцева, да и локон, лежавший в медальоне, был определенно от Ростовцева. Данилов поглядел на Клавдию.

— Да, — сказала Клавдия. — Эта вещь — особенная.

Данилов подумал: "Тут и не в вещи дело!" Медальон со стены Клавдия сняла не зря. И уж явно не зря она открыла его и протянула ему.

В соседней комнате упала бутылка, покатилась по полу.

Клавдия проводила Данилова к двери. Заметила вдруг:

— Ба! Да я не заставила тебя снять ботинки! Ты наследил! В следующий раз снимай сразу!

Данилов поглядел на пол, но не обнаружил никаких следов. "Снимай! — подумал он. — Как же! Нашла дурака. Этак при увлечениях Войнова останешься без шнурков".

Уже в лифте Данилов вспомнил, что не спросил Клавдию о Наташе. То есть о том, что имела в виду Клавдия в прошлый раз, когда говорила о Наташе. Ну и хорошо, что не спросил, решил Данилов.

(продолжение предполагается)

Владимир ОРЛОВ

ШЕВРИКУКА, ИЛИ Любовь к привидению

Роман

(третья часть триптиха "Останкинские истории":
"Альтист Данилов", "Аптекарь", "Шеврикука")

15

А Гликерия? Что с Гликерией?

Разузнать о ней Шеврикука решил окольным путем. Что не позволяло ему рисковать и лезть на рожон? Благоразумие или трусость? Скорее всего, ни то ни другое. А что, Шеврикука посчитал полезным не называть словами. На

лыжную базу Шеврикука проник тихо и кротко, никому не попадаясь на глаза. Ни с Гликерией, ни с Невзорой-Дуняшей не вступал в общение. Но вызнал: никаких чрезвычайных событий в жизни Гликерии не произошло. И смотрины дома на Покровке не отменили.

В калекопункте дежурным знахарем сидел какой-то свежий хмырь, весь в жабьих бородавках, желанию Шеврикуки продлить больничный лист навстречу не пошел. Бормотал что-то о транжирах, об экономии, о касторовом масле, которого его могут лишить. А от удара палки резинового призрака в видимой натуре Шеврикуки не осталось следов. Шеврикука проворчал: "Ну и ладно. А с этим хмырем мы еще разберемся!" Спокойствие вернулось к Шеврикуке. Или даже душевное равновесие. А может, он стал неразумно беспечен. Три дня Шеврикука не поднимался в получердачье и не тревожил утомленного тяготами жизни подселенца. Наблюдая как-то проход по двору Радлугина, Шеврикука увидел на груди воодушевленного активиста, на орденском месте пиджака, большой, с блюдце, пластмассовый кругляш: "Клуб любителей солнечного затмения". Через день надпись на значке Радлугина была уже иная: "Участник солнечного затмения". "Какого такого затмения? - озадачился Шеврикука. - Неужели я пропустил его или проспал?" Опять явились недоумения: отчего он пять дней назад тащил портфель Петра Арсеньевича именно в квартиру

Радлугиных? Отчего он так разволновался тогда, будто бумаги из портфеля, засушенные травинки или замусоленные валеты были отравлены и могли заразить его черной или даже погибельной болезнью? Стыдно было теперь Шеврикуке. В квартире Радлугиных он нашел портфель целым и нетронутым. Никаких датчиков вблизи него, ничьих отпечатков пальцев на коже портфеля он не обнаружил. Предмет, как был положен, так и лежал в книжном шкафу в пустоте за томами Мопассана. Собраний сочинений Радлугин выкупил много, но ни сам он, ни его добропочтенная супруга рук к книжному шкафу давно не протягивали. К Мопассану же они и вовсе относились с осуждением. Теперь Шеврикука принялся уверять себя, что бросился к Радлугиным неспроста, а с некой, пусть и смутной мыслью о выгоде укрытия именно за Мопассановой спиной. Пусть, пусть наблюдают за квартирой Радлугиных, вдруг и ему выйдет от этого польза. Пусть все эти марьинорощинские или сокольнические малины из прошлого, все эти Нибелунги, Зигфриды с драконами и феями мирно почивают себе в шкафу, а потом - поглядим. Потом бумага и реликвии Петра Арсеньевича вдруг для чего-нибудь и понадобятся. И эта фея Т., посещавшая Московию в составе посольства в 1673 году (кстати, а что происходило в Московии в 1673 году?), и ее собственноручные записки окажутся не бесполезными.

В воскресный день Радлугин остановил во дворе Шеврикуку и сказал скорее утвердительно, нежели вопрошающе:

- Вы ведь в нашем доме живете. Я нередко встречал вас...

- Ну вроде бы... - без всякой охоты вести разговор ответил Шеврикука.

- И мне кажется, что вы в своем секторе активист.

- Говорить об этом не стоит, - будто намекая на нечто важное, но тайное, сказал Шеврикука.

- Я понял. Я так и думал про вас. Я не ошибся! - обрадовался Радлугин. И добавил уже доверительным шепотом: - Вы, конечно, принимали участие в Затмении?

- В каком затмении? - спросил Шеврикука.

- В Солнечном.

- В каком именно солнечном?

- Ах да... - сообразил нечто Радлугин. - В недавнем. В том, что в Мексике было полным, а у нас частичным.

- Видите ли... - начал Шеврикука многозначительно. - Затмения, солнечные, лунные, наводнения, землетрясения, солнцестояния... Мало ли в чем приходилось участвовать...

- Понял, понял, - заторопился Радлугин. - Все. Молчу. Конечно, в нашем доме жильцов не меньше, чем в районном городе, и вы, наверное, обо мне не слышали... Я - Радлугин.

- Отчего же, - сказал Шеврикука. - Слышал.

- Да? Очень рад. Да... Не все одинаково проявили себя во время Затмения, - сказал Радлугин тоном государственного человека, - не мне вам объяснять. Целесообразно выяснить степень участия каждого из жильцов дома...

- На какой предмет? - не менее государственно поинтересовался Шеврикука.

- Ну... - замялся Радлугин. - Чтобы иметь общую картину...

- Ну это конечно, - одобрил Шеврикука.

- Вот-вот, - удовлетворенно кивнул Радлугин. - Будем распространять опросные листы. Не могли бы вы раздать их в вашем подъезде?

- Нет, - резко сказал Шеврикука. - Не найдется времени. И не для меня это занятие.

- Ага. Понял. Но, может, хотя бы один лист потребуется вам для ознакомления?

- Один, возможно, потребуется.

Пока Радлугин защелкивал "дипломат", Шеврикука просмотрел опросный лист. Увидел среди прочего: "Что вы делали во время Солнечного Затмения? Бодрствовали? Были на посту? Тыкали пальцем в небо? Предавались панике? Пили от недовольства или из вредности? Занимались любовью? Отсиживались в туалете?" И так далее.

- Хорошо, - сказал Шеврикука. - Изучим.

- Вы знаете... - Похоже, Радлугин был намерен сделать серьезное заявление, но не отважился.

- Говорите, говорите, - разрешил Шеврикука.

- Мне кажется, в нашем подъезде завелся бомж. Он какой-то странный. С большой головой. И будто робот... наверху. Где кончается шахта лифта. Там вроде чердака.

- Вы туда поднимались?

- Нет, - сказал Радлугин, и было очевидно, что он ощущает себя виноватым перед социальной справедливостью и обязанностями гражданина.

- Мне так кажется. У меня такое чувство. Я видел его... Этого, с большой головой... во дворе... Он нюхал жасмин... Он нездешний... Может, мне стоило сообщить в отделение? Или туда?..

- Вашу наблюдательность и чутье оценят, - строго сказал Шеврикука. - Но не надо спешить. Не надо. К тому же у вас, я полагаю, хватит хлопот и с опросными листами. А теперь, извините, я обязан отправиться по делам.

И Шеврикука, не оглядываясь, энергично зашагал к улице Королева. Он понимал, что наблюдательный и чуткий гражданин смотрит ему в спину, но не вытерпел и секунд через пять растворился в воздухе, наверняка вызвав в Радлугине напряжение мыслей. И пусть. И пусть себе Радлугин беспокоится в связи с объявившимся в подъезде бомжем или, может, неопознанным объектом, пусть даже докладывает о нем, куда пожелает или куда привык докладывать. Беспокоиться об этом не следовало, рассудил Шеврикука. Наблюдения или открытия Радлугина ничего не меняли.

Пэрст-Капсула лежал на раскладушке под плащом прежнего обитателя получердачья, дремал.

- Здоровье по-прежнему подорвано? - спросил Шеврикука.

- Это вы? - Пэрст-Капсула поднял голову и опустил ноги с лежанки. - У меня не здоровье. У меня состояние. Энергетическое. И судьба. Их движение теперь - нормальное.

- Ты был замечен во дворе, признан нездешним и вызвал подозрения.

- Дважды выходил из дома, - сказал Пэрст-Капсула. - Озадачил одного человека. Заметил. Более не выходил.

- Что ты делал во время Затмения? - спросил Шеврикука и протянул Отродью опросный лист.

- Я не участвовал в солнечном затмении, - печально произнес Пэрст-Капсула.

- Это огорчительно.

- Я участвовал в лунном затмении, - сказал Пэрст-Капсула.

- На самом деле, что ли? - удивился Шеврикука.

- На самом деле.

- За лунные затмения значки пока не дают...

- За них и спасибо не скажут, - серьезно заявил Пэрст-Капсула.

- Ну ладно, - сказал Шеврикука. - Что ты собираешься делать дальше?

- Я хочу быть при вас.

- Это кем же? Управляющим, связным, денщиком?

- Меня легко обидеть, - сказал Пэрст-Капсула, - видно, я стою этого. Но меня никто не посылал к вам. А таиться от забывших обо мне на Башне я могу теперь и сам. Я вычеркнут.

"И Петр Арсеньевич вычеркнут", - подумал Шеврикука.

- А может, ты желаешь находиться вблизи двух своих вещей? Не проще было бы заполучить их обратно? Отпала бы нужда укрывать и охранять их.

- Укрывать и охранять их обременительно?

- Терпимо, - сказал Шеврикука.

- Пусть теперь они будут там, где они есть. Я хочу быть не вблизи них, а при вас.

- Зачем?

- Не знаю. Но так нужно. Мне. И я могу пригодиться вам. Обузой вам я не буду. И не создам для вас неловкие и опасные положения.

- Ночуй пока здесь, - сказал Шеврикука.

- Спасибо! - растроганно заявил Пэрст-Капсула. Потом сказал: - Я видел кандидата наук Мельникова. Он из вашего подъезда?

- Есть такой, - сказал Шеврикука. - Ну и что?

- Отчасти я произведение его лаборатории. Отчасти...

Пэрст-Капсула вновь заверил Шеврикуку, что не станет обузой, не будет ему докучать, а являться на глаза Шеврикуке обещал лишь по его велению и вызову. И что он не заскучает. И что у него уже есть остропривлекательное занятие.

А вот Радлугин стал Шеврикуке надоедать. Он караулил его во дворе, терял время, выныривал из-за углов и деревьев и как бы случайно оказывался на пути Шеврикуки. И непременно следовал душевный разговор с намеками. Шеврикука не сразу мог понять, в чем дело, но понял. Дотошный, но осторожно-осмотрительный Радлугин, конечно, наводил о нем справки, ничего не узнал и оттого, возможно, вывел о Шеврикуке суждение излишне романтизированное. Наверное, в таком суждении у Радлугина была сейчас и потребность. Дворовые разговоры протекали так, будто Шеврикука был лицом значительным, снабженным какими-то таинственными полномочиями, и намекать-то о которых не следовало по причинам государственным либо даже планетарным, а Радлугин был готов ему угодить или услужить. "Нет, надо от него отвязаться", - думал Шеврикука. И не мог отвязаться. А потребность в Шеврикуке у Радлугина открылась такая. Радлугин пребывал в растерянности, не зная, на кого ему теперь выходить, куда нести сведения. Старые структуры то ли и впрямь были поломаны и унижены, то ли на манер града Китежа опустились на дно озера Светлояр и до поры до времени обрастали там водорослями. Брошенным кутенком, поскуливая, бродил Радлугин в одиночестве, и вдруг ему померещилось, что Шеврикука - от новых структур. После сомнений, оглядок и изысканий

Радлугин и надумал к нему прибиться. Шеврикука не стал его разочаровывать. Впрочем, и не позволил себе врать. Просто при разговорах с Радлугиным полномочия над ним витали и покачивали крыльями. А уж дело Радлугина было, пребывать в заблуждениях или нет. Тогда и посетила Шеврикуку мысль использовать Пэрста-Капсулу как "дупло". Длительные разговоры во дворе, дал понять Шеврикука, вряд ли хороши для дела, а вот "дупло"... "Да-да! - согласился Радлугин. - Дубровский, Маша, как же, помню, проходили в школе!" Радлугин все же не удержался и успел сделать устное донесение. Оно касалось останкинских слухов об Анаконде, заведшейся в Ботаническом саду. Конечно, Оранжерея не была близка к их кварталу, но проживающий и в двух километрах отсюда водяной змей мог вызвать в Землескребе смущение умов. Ведь чем-то его кормили, возможно, тратили на него контейнеры или емкости с гуманитарной помощью, и это при голодных обмороках в школах и детских садах. Да, да, заверил Шеврикука, с Анакондой предстоит разобраться, но разбор этот - не в компетенции жителей Землескреба, пусть даже и проявивших себя во время Солнечного Затмения самым героическим образом. Радлугин собирался высказать свое несогласие с мнением Шеврикуки, но попытка его была пресечена. Тут же Радлугин, о чем-то догадавшись, пробормотал: "Ах, да", - и более Оранжерею не упоминал. Сообщил напоследок,

не без гордости, что списки участников Солнечного Затмения, как проявивших себя, так и не проявивших, им уже почти составлены, сторонники же лунных затмений выявляются. Шеврикука хотел было спросить, чем же плохи сторонники лунных затмений, но сообразил, что своей неосведомленностью о чем-либо он расстроил бы Радлугина. "Хорошо, - сказал Шеврикука. - Списки, пока лишь одних не проявивших себя, вы опустите в "дупло" в четверг в девятнадцать ноль три у входа в кулинарию ресторана "Звездный". Из конспиративных соображений Радлугин быстро оглядел все вокруг и прошептал, в мгновение осипнув: "А где там дупло?" - "Дуплом будет тот самый нездешний бомж с крупной головой. Вы мне о нем докладывали", - сказал Шеврикука. "Ах так?!" - удивился Радлугин и долго стоял во дворе растерянный.

Нездешний бомж, выслушав в получердачье Шеврикуку, сказал: "Я все понял. Я согласен". На ногах духа или полуфабриката Шеврикука увидел фетровые бурки с кожаными каблуками.

- Не жарко? - спросил Шеврикука.
- Ноги мерзнут, - засмущался Пэрст-Капсула.
- Радлугина ты теперь не удручишь, - заметил Шеврикука. - А кого-то можешь и озадачить.
- Разрешите походить в них хоть один день, - чуть ли не взмолился Пэрст-Капсула, будто Шеврикука желал лишить его последних в жизни утешений.

- Ходи хоть в корякских торбасах из оленьих шкур, - сказал Шеврикука. - Мне-то что.

Да пусть ходит в жару в фетровых бурках, подумал Шеврикука, кого в Москве удивишь прихотями манер и вкусов, если какой дурак и задержит духа, то вскоре и отпустит. И Шеврикука не стал язвить, напоминать о том, какие личности носили в сороковые годы белые бурки, воротники и шапки из серого каракуля, — наверное, Бордюков хранит в кладовке бурки, тронутые, несмотря на нафталинную оборону, молью. Пусть и Пэрст-Капсула теперь наслаждается... Но отчего у него мерзнут ноги?

- Диана, - подумал Шеврикука, - олицетворяла луну. Кто позволял себе затмевать Диану?

- Это вы к чему? - насторожился Пэрст-Капсула.

- Это я так, - сказал Шеврикука. - Ни к чему.

- Уже без Дианы, в иные времена, - сказал Пэрст-Капсула, - луну заслоняла Дикая Охота, Вилде Ягд. Когда она проносилась по небу, внизу были собаки. И случались зимние бури.

- Дикая Охота? - удивился Шеврикука. "Дикая Охота. Дикая Охота..." - вспоминал Шеврикука. - Где-то я читал о ней недавно... На одном из листочков Петра Арсеньевича" "Дикая Охота, сонм призраков и злых духов, небесные гончие псы, зимние бури, гибель людей на перекрестках дорог, свита Одина-Вотана, тени Ирода, Каина, Аттилы, Бонапарта, Дрейка..." Но при чем тут Дрейк?.. Так. А не принесется ли

вскоре и к нам Дикая Охота? Или ее осуществители уже здесь?"

- От твоих полетов не выли внизу собаки? - спросил Шеврикука.

- Нет, - сказал Пэрст-Капсула серьезно. - Я не летал. И к Дикой Охоте никак не могу быть причастен. Я просто знаю.

- Вас просвещали в лабораториях?

- Это не суть важно, - сказал Пэрст-Капсула.

"Вот, значит, как, - поднял бровь Шеврикука. - Ну и разгуливай дальше в своих бурках..."

- Для меня это и вовсе неважно, - сказал Шеврикука.

Надо было посетить Оранжерею.

Посетил.

Змей-анаконда ему понравился. И Шеврикука понял, что стервец умеет выживать.

Но прежде сообщу, что фетровые бурки Пэрст-Капсула носил еще именно один день. Стало быть, прошение его было осмысленным и обеспеченным свойствами натуры. При новой встрече с Пэрстом-Капсулой Шеврикука увидел духа-полуфабриката в пятнистой шкуре воздушного десантника. Тельняшка на духе, пусть и чистая, отчасти Шеврикуку опечалила. И наглец лимитчик Продольный надевал тельняшку. Впрочем, нынче в Москве в средних слоях расцвела мода на камуфляж. А куртка и

брюки достались Пэрсту-Капсуле истинно камуфляжные. Но были и нарушения формы. Пэрст-Капсула приобрел не сапоги, а полусапожки, скорее щегольские, нежели необходимые защитнику Отечества или коммерческого добра. И на голове он утвердил не голубой берет, а ковбойскую шляпу от какого-нибудь неуравновешенного Буффало Джонса, отчего и осведомленному гражданину было бы трудно определить его происхождение и социальный смысл. "А если потребуют документ?" – хотел было спросить Шеврикука. Пэрст-Капсула тут же протянул ему визитную карточку. Бумага на нее пошла ценная. "К. Пэрст, - прочитал Шеврикука. - Эксперт-полуфабрикат. Необходим при катавасиях. Москва. Округ Останкино".

"Достаточно?" - спросил Пэрст-Капсула. "Достаточно, - сказал Шеврикука. - А "К." - это как понимать?" - "Капсула. Или я сделал не то?" - "Нет, все нормально", - успокоил эксперта Шеврикука.

Змей же, действительно подтверждая народную молву, дремал в Оранжевое в водоеме, приятном тем, что в нем в условиях Средне-Русской равнины и континентального климата цвели индийские и египетские лотосы и райские растения виктория регия. Сергей Андреевич Подмолотов, Крейсер Грозный, в своих комплиментах амазонскому змею почти не

допустил преувеличений. Морду Анаконды Шеврикуке, правда, не пришлось оценить, но метров шесть туловища и хвост он рассмотрел. Чешуя удава была действительно блестящая, гладкая, сверху - оливково-серая, вдоль спины змея тянулись два ряда крупных бурых пятен, заставлявшие думать о кожаных изделиях для флоридских миллионерш. Змей лежал смирно, не тревожил листья лотосов и викторий, стебли дивных папирусов, не возмущал покой декоративной гальки. Никого не раздражал. Сотрудники Оранжереи и ее посетители к присутствию змея в Останкине относились спокойно, полагая, что он и обязан отдыхать в здешнем водоеме. Вот тогда Шеврикука и подумал, что этот стервец выживет и в канализационной трубе. Подумал одобрительно. Чуть ли не с завистью, хотя и сам был умелец выживать. На всякий случай Шеврикука попытался представить, какие могут отрасти у змея крылья и где. Картина возникла в его воображении занимательная.

Но зачем и как змей завелся в Останкине? Сие оставалось загадкой. Шеврикука желал поговорить с Крейсером Грозным, но тот, выяснилось, уехал в Рязань играть в футбол. К кандидату наук Митеньке Мельникову Шеврикука подойти не отважился. А вот побеседовать с Дударевым стоило - тот и жил в чужом подъезде, и был говорливый. Поймать Дударева во дворе Шеврикуке удалось не сразу. Но удалось. Дударев весь был в хлопотах, в

бегах, в порывах, в полетах. И теперь он несся куда-то, а в глазах его полыхала безумная деловая идея. "А? Что? - Дударев не мог понять, о чем его спрашивал Шеврикука. - Ах, этот змей. Анаконда? Ну есть такой. Есть! Произвели! Да, в лаборатории. Явили на свет. Пусть пока подрыхнет среди лотосов и папирусов. Потом пойдет в дело. Не обязательно в консервы и на деликатесы. Не обязательно. Может, отыщется для него предназначение и поважнее. И я уж догадываюсь какое. Змей Анаконда - это ерунда! Митенька Мельников - талант и гений, Эдисон с Яблочковым, да что там Эдисон с Яблочковым, какие при них были свет и звук? Тьма и глушь! И Митенька согласился вступить в наше дело. Но тише, тише об этом! Кстати, Игорь Константинович, я ведь не забыл и про циклевку полов, и про сорок третий морской узел, и про то, что вы многое умеете... Да-да! Я вам тогда обещал пятьсот пятьдесят рублей. Но эта сумма сегодня, согласитесь, смешная и неуважительная. И мы можем платить больше. А потому милости просим к нам!" Шеврикука был уже не рад, что остановил бывшего экономиста бывшего Департамента Шмелей. Впрочем, от шмелей и от других перепончатокрылых в Дудареве, красавце с коварными, тонко-черными усами прежде графа Люксембурга, а ныне московского коммерсанта-обольстителя, нечто, несомненно, осталось. Он попрежнему был устремленно-летучий и помнил, где и до каких пор его ждал взятки. Скорее, и не один. "У

меня есть служебное место", - вяло произнес Шеврикука. "Сегодня одним местом не проживешь, - наставительно сказал Дударев. - Три таких места приложения сил кое-как накормят, а с четвертого накопишь на штаны. Взамен протертых. Нам скоро потребуется паркетчик. Есть идея насчет одного дома на Покровке. Через неделю - смотрины". И был назван адрес дома на Покровке. К нему судьбой была приписана Гликерия. "Хорошо. Я подумаю", - сказал Шеврикука. "С больничного-то вы съехали?" - спросил Дударев. "Да, больничный мне закрыли". "Ну и славно! - Дударев обрадовался, будто неделями раньше оставил Игоря Константиновича в реанимации, а теперь, разговаривая с ним, обнаружил ходячим, на что и не рассчитывал. - Нынче, как на войне, нельзя быть ни больным, ни раненым. И уж тем более притушенным!" Никаких поводов спорить у Шеврикуки не возникло. Летучий Дударев словно бы ни на секунду не прекращал движения, турбины в нем ревели, горящие табло требовали не курить и пристегнуть ремни. Впрочем, наблюдатель, увлекающийся, скажем, хореографией, мог посчитать, что молодой человек с коварно-крутыми усами венской манеры намерен вот-вот пуститься в пляс. А может, динамике его житейских предприятий были необходимы для разгона ритмические открытия стиля степ. Или стиля рэп. "И Бордюков со Свержовым уже при деле?" – из вежливости спросил Шеврикука. "Да! И

Бордюков, и Свержов! Все при деле! И Совокупеева с Леночкой Клементьевой! Все при деле! При разных делах! И Крейсер Грозный от нас не отстанет! Нет! - Тут Дударев на мгновение задумался. - А Бордюков при этом записался и в монархический комитет, будет раздавать титулы графьев, баронов и виконтов", - проговорил он медленно, будто бы оценивая нечто заново. Но сразу же воодушевился и улетел.

Во дворе Шеврикука встречал Митю Мельникова. Деликатного сложения блондин, гений и кудесник, проходил мимо, ничего не замечая, вид имел изнуренный.

Пэрст-Капсула уже несколько раз таинственно пробирался к ресторану "Звездный", на Цандера, имея целью секретные встречи с агентом Радлугиным. В одном из донесений Радлугин сообщил, что его стараниям провести Всемирные новоостанкинские игры чинятся препятствия и здесь несомненны происки. Он, Радлугин, выступил с идеей устроить Игры хотя бы и на стадионе в парке (рядом с лыжной базой, отметил Шеврикука). Надо было только громко окликнуть всех прописанных когда-то в Землескребе, а ныне оказавшихся в самых разнообразных концах света, и призвать их на Игры. И тех, кто отбыл в командировку. И тех, кто поплыл в гости. И тех, кто вовсе и напроць отказался от останкинской прописки. Даже и таких поганцев по причине милосердия Радлугин был готов пригласить вдохнуть дымы отечества. Да, даже и таких.

Конечно, следовало подвигнуть к спортивным достижениям и теперешних жителей дома. Ведь все когда-то прыгали, бегали, ныряли, метали гранату, сознательно доказывая свою готовность к труду и обороне. К традиционным видам спорта разумно было бы прибавить, дабы продемонстрировать миру плоды самобытности и увлечь человечество, виды спорта местные, такие, скажем, как лазание на обтесанный столб за яловыми сапогами и петухом или скакание в мешках с завязанными глазами. Естественно, требовалось сочинить для всех подъездов патриотические гимны, их и исполнять при вздымании флага, для каждого подъезда, понятно, особенного. Не пугала Радлугина необходимость строить вокруг Землескреба гостиницы и умеренные увеселительные заведения. И вот на тебе! Разумная и льготновыгодная идея столкнулась с удручающим безразличием жителей, их желудочным (или животным) эгоизмом. И с откровенными, но безобразными кознями. Кто именно строил козни, Радлугин не сообщал. А в новых донесениях о Всемирных играх он словно бы и забыл. Возможно, Радлугина вновь увлекли дела, связанные с затмениями, их участниками и их недоброжелателями, злонамеренными или заблудшими. О некоторых злыднях он ставил Шеврику в известность. Слова Радлугин выводил аккуратно, фразы не комкал. Но последнее его донесение вышло взлохмаченно-нервным. "Буянят. Четвертый

этаж пятнад. подъезда грозит объявить бойкот
Всемирным играм. Требуют дать этажу гимн,
флаг, талоны на сало. Мародеры. Дебаты -
создавать, не создавать партию др. Солнечного
Затмения (ПДСЗ-десезистов) зашли в тупик.
Одинокaя ст. преподаватель Легостаева Нина
Денисовна (самоназвание - Дениза)
забеременела. Утверждает - от Зевса.
Наблюдатель".

"Не рано ли от Зевса-то?" - подумал
Шеврикука. Впрочем, что Зевсу были
медицинские сроки?

(продолжение предполагается)

Иосиф БРОДСКИЙ,
лауреат Нобелевской премии

ХОЛМЫ

**Вместе они любили
сидеть на склоне холма.
Оттуда видны им были
церковь, сады, тюрьма.
Оттуда они видали
заросший травой водоем.
Сбросив в песок сандалии,
сидели они вдвоем.**

**Руками обняв колени,
смотрели они в облака.
Внизу у кино калеки
ждали грузовика.
Мерцала на склоне банка
возле кусков кирпича.
Над розовым шпилем банка
ворона вилась, крича.**

**Машины ехали в центре
к бане по трем мостам.
Колокол звякал в церкви:
электрик венчался там.
А здесь на холме было тихо,
ветер их освежал.
Кругом ни свистка, ни крика.
Только комар жужжал.**

Трава там была примята,
где сидели они всегда.
Повсюду черные пятна
оставила их еда.
Коровы всегда это место
вытирали своим языком.
Всем это было известно.
Но они не знали о том.

Окурки, спичка и вилка
прикрыты были песком.
Чернела вдали бутылка,
отброшенная носком.
Заслышав едва мычанье,
они спускались к кустам
и расходились в молчаньи -
как и сидели там.

По разным склонам спускались,
случалось боком ступать.
Кусты перед ними смыкались
и расступались опять.
Скользили в траве ботинки.
Меж камней блестела вода.
Один достигал тропинки,
другой в тот же миг пруда.

Был вечер нескольких свадеб
(кажется, было две).
Десяток рубах и платьев
маячил внизу в траве.

Уже закат унимался
и тучи к себе манил.
Пар от земли поднимался,
а колокол все звонил.

Один, - кряхтя, спотыкаясь,
другой - сигаретой дымя, -
в тот вечер они спускались
по разным склонам холма.
Спускались по разным склонам,
пространство росло меж них.
Но страшный одновременно
воздух потряс их крик.

Внезапно кусты распахнулись,
кусты распахнулись вдруг.
Как будто они проснулись,
а сон их был полон мук.
Кусты распахнулись с воем,
как будто раскрылась земля.
Пред каждым возникли двое,
железом в руках шевеля.

Один топором был встречен,
и кровь потекла по часам.
Другой от разрыва сердца
умер мгновенно сам.
Убийцы тащили их в рощу
(по рукам их струилась кровь)
и бросили в пруд заросший.
И там они встретились вновь.

Еще пробирались наощупь
к местам за столом женихи,
а страшную весть на площадь
уже принесли пастухи.
Вечерней зарей сияли
стада густых облаков.
Коровы в кустах стояли
и жадно лизали кровь.

Электрик бежал по склону
и шурин за ним в кустах.
Невеста внизу обозленно
стояла одна в цветах.
Старуха, укрытая пледом,
крутила пред ней тесьму,
а пьяная свадьба следом
за ними неслась к холму.

Сучья под ними трещали,
они неслись, как в бреду.
Коровы в кустах мычали
и быстро спускались к пруду.
И вдруг все увидели ясно
(царила вокруг жара):
чернела в зеленой ряске,
как дверь в темноту, дыра.

Кто их оттуда поднимет,
достанет их из пруда?
Смерть, как вода, над ними,
в желудках у них вода.
Смерть уже в каждом слове,

в стебле, обвившем жердь.
Смерть в зализанной крови,
в каждой корове смерть.
Смерть в погоне напрасной
(будто ищут воров).
Будет отныне красным
млеко этих коров.
В красном, красном вагоне
с красных, красных путей,
в красном, красном бидоне
красных поить детей.

Смерть в голосах и взорах.
Смертью полн воротник.
Так им заплатит город:
смерть тяжела для них.
Нужно поднять их, поднять бы.
Как превозмочь тоску?
Если убийство в день свадьбы -
красным быть молоку.

Смерть - не скелет кошмарный
с длинной косой в росе.
Смерть - это тот кустарник,
в котором стоим мы все.
Это не плач похоронный,
а также не черный бант.
Смерть - это крик вороний,
смерть - это красный банк.
Смерть - это все машины,
это тюрьма и сад.
Смерть - это все мужчины,

галстуки их висят.
Смерть - это стекла в бане,
в церкви, в домах - подряд!
Смерть - это все, что с нами -
ибо они - не узрят.

Смерть - это наши силы,
наши труды и пот.
Смерть - это наши жилы,
наша душа и плоть.
Мы больше на холм не выйдем.
В наших домах огни.
Это не мы их не видим -
нас не видят они.

Розы, герань, гиацинты,
пионы, сирень, ирис -
на страшный их гроб из цинка -
розы, герань, нарцисс,
лилии, словно из басмы,
запах их прян и дик,
левкой, орхидеи, астры,
розы и сноп гвоздик.

Прошу отнести их к берегу,
вверить их небесам.
В реку их бросить, в реку,
она понесет к лесам.
К черным лесным протокам,
к темным лесным домам,
к мертвым полесским топям,
вдаль - к балтийским холмам.

**Холмы - это наша юность.
Гоним ее, не узнав.
Холмы - это сотни улиц.
Холмы - это сонм канав.
Холмы - это боль и гордость.
Холмы - это край земли.
Чем выше на них восходишь,
тем больше их видишь вдали.**

**Холмы - это наши страдания.
Холмы - это наша любовь.
Холмы - это крик, рыдание,
уходят, приходят вновь.
Свет и безмерность боли,
наша тоска и страх,
наши мечты и горе,
все это - в их кустах.**

**Холмы - это вечная слава.
Стоят всегда напоказ
от наших страданий вправо.
Холмы - это выше нас.
Всегда видны их вершины,
видны средь крошечной тьмы.**

**Присно, вчера и ныне
по склону движемся мы.**

**Пускай исчезнет среди пыльных груд
Истлевших книг твой вдохновенный труд;
След твоего дыханья
в книге мира
Ни вечность, ни забвенье не сотрут.**

Э. Ананиашвили

Цитата номера:

**Уже несколько
миллионов лет
женщина живет
рядом с человеком,
но в ее поведении и
образе жизни
остается еще много
загадочного и
непонятного**

НЕЗАВИСИМЫЙ ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛ

< И Б И С >

№ 31

Изготовлен в редакторе Word 9.0/2000. Выпускается на личные средства издателя. Соответствует примерно 100 бумажным полосам формата А5 кеглем Arial-11. С иллюстрациями.

Периодичность — в зависимости от наличия высококачественных статей. В виде ZIP-файла журнал целиком (либо отдельными статьями в виде *.doc-файлов) бесплатно предоставляется на почтовом сайте www.mailru.com и далее по адресу eugenelev@fromru.com (пароль — academia).

Цена дискеты с одним номером журнала — 30 руб.

С мнением авторов редакция согласна не всегда.

Для правильного чтения с экрана и просмотра рисунков необходимо установить режим разметки страницы («Print Layout View»), 75%, шрифт Arial 20 полужирный ("bold").

Приглашаются желающие публиковаться. Гонорары не выплачиваются, но постоянным авторам гарантируется улучшение кармы. Реквизиты редакции:

Тел.: (095) 493-54-87

E-mail: eugenelev@fromru.com

**"Следует
всеми
силами
продвигать
знания о Тонком
мире."**

Агни Йога